

Галина Трашина

Роман

Шестая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Галина Трашина

Я шестая

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Трашина Г.

Я шестая / Г. Трашина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Остросюжетный мистический роман в двух частях повествует о всемирной тайне - что такое жизнь - и о желании человека кем-то в ней быть. Загадочные судьбы героинь сплелись в коллизиях социальных перемен страны. Где синее море, золотой песок и белоснежные чайки казались им красотой, созданной небом не для любви, а ради мести. И всё же подруги стремились достичь счастья путём добра, но удалось ли им это?.. В романе органично сочетаются философская линия и романтические поступки героинь. И даже требовательный читатель найдет захватывающий и яркий сюжет. Новизну сюжета автор гарантирует. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вступление	6
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	41
Глава 11	49
Глава 12	55
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Дизайн обложки Г. Трашина
Иллюстрация на обложке istockphotj.com

Вступление

- Её разбудил настойчивый звонок. Нехотя она взяла трубку и услышала:
- Милая, Софья Васильевна, извините за ранний звонок. Это...
 - Я вас, Наденька, узнала. И вам доброе утро.
 - Ой, извините. Понимаю, дела не оправдывают невежество.
 - Именно-именно. Так чем обязана, уважаемому издательству?
 - От вас, Софья Васильевна, ничего не скроешь. Мы напечатали отрывок из вашего романа. Помните, ещё зимой давали?
 - Припоминаю.
 - Вы его дописали? То читатели завалили издательство отзывами и любопытством, когда же продолжение...
 - Продолжение... Ух! Дописать. Да и как не дописать, если герои попятам ходят: прямо продыху не дают. Так что с удовольствием отвяжусь от них. Могу скинуть на почту. Адрес прежний?
 - Да. Конечно.
 - Тогда ждите. Боюсь, кроме вашего журнала вряд ли кто ещё возьмётся его печатать: писатель я не перспективный по роману в месяц не строчу. Вы же в курсе, я предпочитаю ваять короткие вещи, а тут бесконечное количество страниц.
 - Вы всё шутите. Тогда не сочтите, по старой дружбе, меня нахалкой: просьба у меня... Не можете вкратце рассказать, как решились на роман?
 - Что же, Надежда, включайте свой диктофон. Хотя и записывать нечего. Вы же в курсе, многие сюжеты рассказов приходят ко мне во сне. Идея для романа не исключение, но если бы знала, что будет ещё эта... «эпопея», вообще не начинала. За двадцать с лишним лет работы над романом, несколько раз было не до него, и всё же периодически что-то дополняла. Выходит часто о нём думала, потом видно втянулась: писанина, она сродни наркотику.
 - Смешно, но начала писать обыкновенной шариковой ручкой, затем печатала на машинке, которую друзья по случаю подарили. Тут появились компьютеры, и машинописные тексты морально устарели. Так что последнюю строку с судьбоносной точкой, закончила на ноутбуке. О! Как вырос не только мой, но и социальный прогресс.
 - Спасибо, Софья Васильевна. Огромное спасибо. Жду рукопись. И здоровья вам. Договор о гонораре завезу на днях.
 - Хорошо, договорились. Прочту напоследок и вышлю. А роман начинается со строки: «Привинченная кровать дрогнула»...

Глава 1

Привинченная кровать дрогнула. Резкий толчок сбросил спящую женщину на пол. Второй рывок откинул в сторону. Наклон увеличился, потянул за собой, не давая опомниться. Дверь не удержала натиска, затрещала, сорвалась с петель. Шквал солёной пенящейся жидкости подкинул бедняжку вверх, к полоске воздуха. «Что происходит?» – пробудилось женское сознание, и понятие беды пришло само. Глубоко вздохнув, женщина поплыла. Загребая воду с одной мыслью не паниковать. Но не стерпела и закричала:

– По-мо-гите!

Голос заглушили шум моря и треск корабля.

Спасительная воздушная линза катастрофически сужалась. Страх впился в разум. Что несчастную побуждало к жизни: поддерживал инстинкт, вмешалась ли судьба, было неважно.

Женщина, стиснув челюсти, оттолкнулась от стены, перевернулась на спину: так проще дышать. И поняла, просить помощи Богов в самый раз. Боясь наглотаться горькой жижи, молилась беззвучно, но проникновенно.

Вскоре, наткнулась на препятствие, нащупав проход, вынырнула...

Палуба, где раньше царствовал беззаботный отдых, сейчас страшила властью ливневого дождя. Неприкрытое одиночество, подавив волю, уничтожило надежду на спасение. Не успела женщина перевести дух, нахлынувший вал сбил с ног, ухватив пенной лапшей как игрушку. Невидимая сила, пахнувшая незнакомым пространством, поволокла за собой в пучину. Хрупкая плоть погрузилась во мглу, служа забавой головокружительной игры под названием «Смерть».

* * *

В тёмной глубине распрямила волна губительные затворы, позволив пленнице свободно парить.

...Тело тронуло поверхность водорослей, растревожив рыб. Полосатая стайка бросилась врассыпную. Рёв моря, стон урагана смешавшись с водой, заползли в бездыханную сущность и превратились в безгласный конец человеческого бытия.

Невдалеке, вместе со своим хозяином, достиг морского дна и корабль. Пёструю стайку мелких рыб втянуло воронкой тонущего судна. Рыбки закружили у борта с белой надписью, точно желали выяснить, что такое «Рай Цветов».

Глава 2

– Ухх ... – громко выдохнула женщина, радуясь, что сон прервался.

Не открывая глаз, прислушалась к ритмичному покачиванию. «Море ровно колыхнется. Видно солнечно. Позагораю», – прогнав неприятные впечатления, почувствовала прохладу, решила укрыться. Пальцы коснулись шелковистой поверхности. На ощупь, та оказалась не привычной. Нахлынули тревожные картинки сна. «Что такое?» – обдало жаром, выручила спасительная догадка: «Аааа... я сплю...»

Глубоко вздохнув, подумала, что влажно и пахнет странно. Ситуация насторожила: беспокойство, навязанное осознанием прошлого по мельчайшим жилкам. Мелькнула мысль: «Заспалась, вылезать с постели пора». Женщина взглянула, на ладони и вскрикнула:

– Чур, меня!

Удивление смешалось с растерянностью. Ночной кошмар обернулся явью: в руке незнакомая, даже не вещь... субстанция. Женщина держала плёнку, родственную листу лопуха. Та, казалась по живому тёплой, как матрас пористых водорослей. Женщина машинально ощупала себя и осмотрелась...

Беспокойный взгляд застыл на своде серо-коричневого потолка. Где существо, похожее на медузу, излучало желтоватое сияние. Одухотворённый софит, заметив пробуждение человека, выпустил больше лучей. Женщина наклонилась и увидела, диковинное ложе не касается пола, а висит в воздухе. Нажала на кончик. Он смялся и быстро восстановился, словно поролоновая губка.

Чувствуя, как серые стены колыхнутся, рассудила: «Неужели, опять Господин Случай шутит? Слышно чьё-то дыхание, а ни шум моря. Будто стучит сердце. Хорошо, не каменная скамья из Замка Цветов. Вместо гадких крыс – чудный светильник. Вон... помню имя».

– Роза, – прошептала женщина, для убедительности повторила в голос:

– Роза!

Найдя в окружении успокоение, села, опустила ноги. Они коснулись влажной поверхности.

– Ой, – вскрикнула она от неожиданности.

«Здесь всё неестественное», – изумившись, разглядела на пальце капельку слизи, поняв, поняла причину удушливости. Роза мысленно извинилась, пожалев то, на что собралась наступить. «Вот-те-на... я... и запаниковала. Думаю, вижу, ощущаю, значит живёхонька. Следовательно, сосредоточусь и разберусь с наваждением». Прикрыв веки, почувствовала, как свет уменьшился. «Умная штучка, реагирует на движение, точно приглядывает за мной. Что нахожусь внутри кого-то, понятно. Хотя... полный бред. Ой! Выходит, меня сожрали? Ага! И спать уложили... абсолютная чушь».

Роза попробовала сконцентрироваться. Сознание не желало внимать подробности. Сердце учащённо билось. Беглый взгляд бессознательно пробежался по горбатым складкам стен. Надеясь, время приведёт к ясности и решила: «Допустим, меня блокировали, остаётся ждать».

Вскоре послышался приглушённый треск. Роза обернулась на звук.

Хрустела стена, подобно затёкшим мышцам, собравшись гармошкой, образовала отверстие. Бесформенный проём осветился. Роза замерла в ожидании.

...Из дыры выплыла копия светильника-медузы. Следом – полупрозрачная невидаль с острой мордой. Вместо плавников у неё росли перепонки, похожие на крылья.

Пригладив для храбрости волосы, Роза отметила, медузы-светильники прибавили яркости. Невидаль подвернула крыло, превратившись в удобное сиденье. Приняв действие гостей за добрый знак, Роза решила пересесть на чудо-кресло и назвала существо Птицей-Рыбой.

– Вперёд, – подбодрила она себя.

Птица-Рыба плавно тронулась в сопровождении светящихся медуз.

* * *

...Кортеж прибыл в сравнительно просторное помещение из таких же дышащих стен. Загадочное биение сердца звучало отчётливее: различались равномерные удары пульса, наводя волнительный трепет. Роза прикрыла лицо ладонками. Ощувив постороннее присутствие, зажмурилась. Чувствуя лёгкий рыбный запах, попыталась представить, что увидит...

Шквал эмоций захлёстывал. Восхищение с удивлением сменились замешательством. Оно забивалось настырным отрицанием происходящего, навеявая мысли о галлюцинации. Роза поборов противоречие, отняла от лица ладони.

Глава 3

От созданий, сидящих напротив, ощущалось спокойствие. Розе вспомнился бабушкин плюшевый коврик с русалками. Рисованные хвосты подводных дев не отличались от существ наяву. Только эти – имели четырёхпалые кисти, узловатые в суставах. Головы двух – покрывали шлемы, украшенные золотистыми чешуйками с рисунком, выющимся к острию из резной кости. Наряд придавал владельцам загадочную статность.

Третье морское диво скрывала блестящая ярко-красная накидка. Роза сочла это женщина – те... мужчины. «Видно, правда, я утонула. Жаль, многое не сделала». Огорчение сжало сердце. Она подумала: «слышат ли существа, как оно частит?»

Роза ждала. Пухлые мужские губы будто ухмылялись. А продолговатые, глубокие карие глаза, ничего не выражали. Возможно, ей всё казалось.

Пауза затягивалась...

Розе не удавалось унять внутреннюю дрожь. А ритм постороннего сердца словно распугал мысли. «Наверно, с мёртвыми так бывает», – согласилась она и почувствовала, как разочарование прихлынуло краской к щёкам.

Неожиданно возникла пухленькая золотистая рыбка, держа в плавниках перламутровую ракушку. Роза облизала пересохшие губы, осознавая, что давно хочет пить. Услужливая рыбёшка поднесла заманчивый сосуд ближе. Роза торопливо заглянула внутрь. Жидкость обдала ароматом, напоминая апельсин. Поднеся сок к губам, выпила залпом, не успев разобрать вкуса.

Возвратив бокал-ракушку, Роза улыбнулась, и увидела, как дрогнули в ответ губы хозяев. Благосклонность пробудила способность думать. «Похоже, я не обед», – мелькнула спонтанная мысль и не обрадовала. Роза сообразила, её прекрасно понимают без слов, всё же спросила:

– Где я?

Ответа не последовало.

«Почему вечно куда-то влипаю?» – привязались вопросы, о схожей обстановке Замка Цветов.

Рыбка-официантка махнула хвостиком, отправив в неведомое пространство ракушку, и подала другую. Роза не поняла, зачем предмет. Рыбка коснулась плавником своей чешуйчатой головы. Уловив шорох, писк, затем напевающий альт, Роза догадалась и приложила ракушку к уху.

– Можно иногда петь? Обожаю приятное занятие, – осведомился голосок.

Роза осмотрела ракушку и обнаружила маленькиедвигающиеся усики, выходящие из ровного отверстия, как миниатюрные антенны.

– Пойте, – ответила она, не скрывая удивления.

– Вот и чу-у-дне-е-нько-о. Я буду, буду переводить мысли жрецов в сферу, воспринимаемую землеходящи-и-ми-и, – завибрировал несложный мотивчик.

«Понятно... Существа – жрецы. Выходит, они разумная цивилизация», – осенила догадка.

– Ничего странного, беспокойство присуще землеходящим. Оно пройдёт, как ощущение физической надобности. Пора знакомиться. Начнём с меня. Я – коллекционирующая звуки-ки-и...

– А... вы, собирающая звуки. Наподобие магнитофона? Я Роза. Не цветок, такое имя.

– Ро-за-а, – пропела ракушка, – хорошо, что пояснила, я могла подумать на пахучее растение. Шучу... Имя красивое... Жаль, у нас нет их. Мы узнаём друг друга по предназначению. Давай перейдём на дружеское общение. Хорошо? – ракушка как вроде засмеялась.

– Забавно, разве беседу не с этого начали?

– Ха-ха-ха, – совсем развеселилась ракушка, – извини, вспомнила, о сравнении моего предназначения. Ведь магнитофон изобретение человеческого ума?

– Да.

– У нас машин нет, но, я в курсе. Мы не создаём вещи. Это удел землеходящих. Им суждено двигать технический прогресс. У нас система взаимопроникновения. Мы часть целого и не тратим энергию на пустые поделки. Мы обитаем везде: имею в виду то, в чём сейчас находимся. В теле людей – множество существ... микробы, грибки. Внедряясь в человека, они считают его своим домом, может – целым миром... Представь, в печени живёт вирус. Покинул её по своим делам, очутился в другом мире...

– Фу, не продолжай. Я уловила ход рассуждений!

– Напрасно, на подобном примере легко уловить суть вещей...

Раковинка увлеклась размышлением. Один из жрецов приподнял руку. Та сменила тему:

– Продолжим знакомство...

– Хорошо, – согласилась Роза.

Жрец чинно отвесил поклон. Роза ответила улыбкой. Он приблизился на Рыбе-Птице, склонив голову, обнажил её. Роза увидела на синеватой коже подобие татуировки с незамысловатыми прямыми линиями. Сколько не всматривалась, на ум ничего не шло. Вновь спасла переводчица.

– Это символ Смотрящего Вперёд. Он знает всё-всё о Мироздании, с его горьким прошлым и туманным будущим.

Роза заметила, весёлая ракушка не только обожала петь, но и философствовать:

– Благодаря предназначению жреца сохраняется баланс природных катаклизмов, не происходит смещение миров. Ведь не только люди заражены пытливостью, другие особи безрасудны не меньше. Понимаешь, что ключи от врат земного бытия под надёжным замком?

– Да.

– Тебе позволено проявить уважение к миссии Смотрящего Вперёд.

Роза опять стушевалась...

– Прикоснись дыханием к рисунку, – пояснила ракушка.

«Будь что будет», – решила Роза и дотронулась губами пентаграммы.

– Умница. Твой дух наполнен искренностью и тягой к миролюбию. Ты нравишься Смотрящему Вперёд, – в голосе переводчицы чувствовалась гордость за подопечную.

Вторым приветствием оказалось замысловатое изображение следующего жреца. Роза вникла в значение рисунка: перед ней тот, кто отслеживает зло.

– Ууу-гада, ууу-гада, – зазвенел мотивчик.

Роза собралась коснуться пентаграммы, наклонилась... но, остановилась.

– Умница. Там, где обитал твой дух. Он подвергался испытанию, добиваясь позитивного результата, не прибегая к злу. Верно?

– Наверно, – опешила Роза.

Ракушка не успела ответить, пальцы жреца Ока Зла коснулись волос Розы. «Похоже, мужчины всех миров одинаковы», – невольно подумала она, ощутив вибрацию нежности.

– Ха-хи ха-хи, хи-хи, – зазвенел весело голосок, – опять права, и наши самцы забавны. Увы-ы, мне не доступна роскошь ощущений.

Жрец, подержал локон волос, понюхал. Его чешуйчатая спина выпрямилась. Он сомкнул синеватые веки, сложил трубочкой губы и издал пронзительный свист. Роза вздрогнула. Мурашки побежали вдоль позвоночника.

– Слушай и не переживай. Тебе разрешено продолжать предназначение, это большая удача. Где и как – зависит от жрицы. Оставили бы тебя у нас. Ты мне по душе, – запричитала ракушка.

– Вообще-то я привыкла... – не договорив, Роза осеклась.

– Вот-вот, чуть глупость не выдала. Вовремя поняла, возврат не целесообразен.

– Ага, дорогуша, у тебя и глазки есть, чудненько, – завела Роза разговор, чтобы унять вновь нахлынувшее волнение.

– Благодарю. Хотя, сейчас не до комплиментов. Приготовься. Возможно, получишь то, что окажется будущим, – прозвучал на серьёзной ноте голос переводчицы.

Не успела Роза настроиться, как окружение поглотилось туманом. Сильно качнуло от прилива энергии. Зелёно-жёлтый луч ворвался в солнечное сплетение, проникая в каждую клеточку до ощущения зуда и распирающей боли в позвоночнике. Роза сжала скулы, сдерживая стон: энергия, меняясь в цветах и вибрациях, наполняла и наполняла, точно пустой сосуд. В какой-то момент сдавило дыхание. Роза собралась с силой и сделала выдох. Чувство тяжести улетучилось: радость полной свободы стёрла сомнения и страхи.

* * *

...Роза увидела, что находится на морском дне, а жрица держит золотистую сферу. Роза пригляделась и чуть не вскрикнула, в сфере – сидела она сама только в уменьшенной копии, не веря глазам, ощупала себя. Жрица читала невнятные заклинания...

Вдруг, возник знакомый голос Учителя, как когда-то в Замке Цветов:

– Там твоя душа. Не упusti что предлагается. Шанс полного витка жизни выпадает не каждому. Будь достойна выбора созидательных начал. Здесь нет соблазна, а потребность в испытаниях отваливается шелухой. Эволюция Сил Души превыше всего.

Голос смолк, не успев вселить в Розу уверенность.

Сфера растаяла в руках жрицы. Роза почувствовала её цепкий взгляд и ощутила, что армада безжалостных воспоминаний всколыхнула прошлое. Она прикрыла глаза, ища лазейку от картинок минувшего. Пришлось признать, суть беспокойства ни перемена. Надо проститься с эмоциями: они по-прежнему зудят, разъедая сознание подобно червям.

...Когда Роза открыла глаза, обнаружила знакомую кровать, плавающий светильник. «Мне всё привиделось?» – ожила безмерная печаль.

Глава 4

– Ура-а... докричалась. Кажется, голос повредила. К-к-к-к... – схитрила Собираательница Звуков.

Роза от неожиданности вздрогнула:

– Прости, прости, милая. Я думала... впрочем, это ничего не значит. Не рекомендую принимать меня за совершенство. Увы, у меня слабая воля, об интеллекте говорить нечего. Хотя для покойника выгляжу сносно, – усмехнулась Роза.

– Любопытно, кто мёртвый? Думаешь, не догадываюсь, о чём печалишься? Мертвец понятие для землекодящих. У нас иначе: воспринимаем законы бытия рационально.

– О! Да мы не только петь и шутить умеем, ещё телепатией владеем, – улыбнулась Роза, погладив ракушку.

Та промолчала. Женщине показалось, что собеседница обиделась.

– Э... ты как там?

– Землекодящая верно поняла, переход в Вечность не скор, как передвижение жрицы – Ведающей Тайной. Она умеет многое... а на Земле обитает. Попасть в Вечность, значит достичь полного триумфа души. Надеюсь, не будешь отрицать, что жизнь стремиться маскироваться под вечность, навязывая теорию о перевоплощениях? Они часть всевозможных вариантов, в реализации своего «Я». Отсюда, противоречивый вывод: истинная вечность постигается в статичности. Абсурд и скукота...

– Согласна, милая подружка, на все сто. Признаться, не думала о Вечности. Да и вряд ли во вселенной есть статичность. Прожив сорок лет, так и уяснила на что способна. Чего хочу... и теперь не ведаю. К смерти готовилась, зная с чего начать новую жизнь. На поверку сижу пень-пнём, удивляясь всему. Как выразилась бы моя подруга: «Что-то не догоняю», – припомнились Розе слова Рыжухи, – видно человек вообще не властен над собой и результатом выбора. Получается, есть тот, кто знает, на что мы пригодны. Вот где скука и абсурд.

– За кем надо гнаться? – забеспокоилась ракушка, сбита с толку иносказательным и отрывистым женским мышлением.

– Пустое, милая, я о своём...

– Положительно, я скверная Собираательница Звуков. Меня следует отослать на переподготовку.

– Что ты, Что ты! Ты, умница. Я восхищена, как удаётся тебе улавливать мои думки, ещё и переводить, если сама не понимаю, что творится в собственном котелке.

– Что верно, то верно, я сообразительная-я... Если серьёзно, то Предназначение звукоулавливающих существ заключается в том, чтобы сводить мысль в мысль, слово в слово. Остальное – детали. Разумеется, ничего не должна дополнять. Понимаешь, трудно сдержаться при моей словоохотливости.

– Это я заметила, – рассмеялась Роза, – спасибо твоему мастерству. Без него не обойтись. Аудиенция... жрецы... это не сон?

– Подобное ощущение у тебя из-за меня: я много болтала. События и расплылись. Прости. А я довольная! Мне досталась догадливая землекодящая, – выпуталась ракушка. – Роза, усвоить новый быт не просто. Понимаю, да и тело...

– Что тело?

– Нужно привыкнуть к переходу. Если ты, относилась бы к рядовой массе, то проходила бы этап мытарств. Там всё проще. Надеюсь, тебе не привыкать к смене обстоятельств? Вот, я, никогда не видела суши, вернее мира землекодящих. Изучала историю из библиотек. И скажу так: нет, нет и нет!

Роза удивлённо взглянула на ракушку и забеспокоилась: – «Она что нервничает, усики хаотично шевелились, ещё оторвутся».

– Насилие правит там, – продолжала ракушка, – положительные вибрации и те вытекают из понятия борьбы. Я пришла к выводу, на суше первое правило – это бдение. Поэтому – нет и нет! Не согласна совершенствоваться по предназначению землеходящих. Сейчас возразишь, что и в море поедают друг друга. Не спорю, здесь действует закон природы: выживает сильный и умный. К счастью, он не касается нас. Мы те, кем хотим быть. Энергетические существа или всепроникающая мысль – Квакеры... как ты ранние подумала.

– Пааардон. Я не собираюсь возражать, напротив, убеждена – во всех началах Создателя присутствует здравый смысл, – перебила собеседницу Роза.

– У-у...

– Теперь в чём я повинна?

– Я рассуждала. Ты убила мою мысль. Или такая мелочь землеходящими не учитывается? Ну, да... вам не привыкать убивать...

Роза не знала что ответить...

– Прости, я специально... для доходчивости: и у нас сильная мысль побеждает слабую.

– Значит, и тут бдение правит балом? Милая, язычок у тебя, ещё тот... Да?... А о Квакерах я слышала. Подводники – люди, работающие в глубине морей, улавливают квакающие звуки. Поэтому и назвали тех, кто их издаёт Квакерами. Самих существ никто не видел... Понятно, почему.

– Будем знакомы. Я представитель данной цивилизации. И рада, ты уяснила, где находишься. Некоторые из нас служат контактёрами, предупреждают об опасности, правда, результат плачевный: сознание людей заблокировано страхом. При этом, часто без всякой мотивации лезут напролом. Людей понять, сложно.

– Тут долго можно рассуждать: эмоции берут верх над рассудком. Но вернёмся к нашему разговору. Я перескочила в другую культуру или цивилизацию?

– Роза, поясняю ещё раз. Всякая жизнь на Земле единая цивилизация. Мы её частичка, можно сказать энергетическая разновидность. Я говорила, мы те, кем хотим быть – мысль определяет форму.

– Оппа... ошарашила... Я всегда считала, что физическую часть человека формирует причинно-следственная связь – карма. Но не интеллект.

– Роза, опять не поняла. Я о том, что физическая часть необходима в условиях материального бытия. Она подвергается изменениям согласно духовной и мыслящей деятельности.

– Извини, что-то туплю в банальных вещах. Лучше скажи, НЛО и всякие шары светящиеся, это не инопланетяне?

– О-о... что же ты думала с момента, как проснулась и увидела светильник? – теперь удивилась ракушка.

Роза промолчала, вспоминая, кроме паники ничего не чувствовала. Нахлынули размышления о том, что придётся пережить в новом облике. Она рассудила, как часто повседневные заботы воспринимаются мелочной обыденностью, а чувства погибают в суете заблуждений. Меж тем, поспешность жаждет извлечь пользу из маломальского результата, не укрепляя опыт понятием, что сознание может взять ровно столько, насколько готово к восприятию. Заблуждения, специально созданы, чтобы сбить главенствующую мысль в структуре будущего, как в человеке, так и космосе.

Разве может устраивать подобное положение, если человек стремится иметь ясное сознание. «Слаба людская натура под сенью Луны, слаба», – согласилась Роза сама с собой.

Рассуждение пробудило тоску. Роза осознала, у природы есть способы избавления от нерешительности. Надо проявлять внимание к потребностям, имея убеждение: – если что-то мешает, значит, чего-то не понимаешь или позволяешь другим создавать препятствие. Главное, не сожалеть о прошлом.

«Наверно, мне вживят жабры, – сменился резко ход женских раздумий, – смогу дышать в море. Не находиться же постоянно за живыми стенами. Да и ракушка говорила, они посещают сушу. Хотя, что там забыла... именно... не стану об этом и думать!»

Невидимый шнур дёргал нерв, возвращая в мыслях на твёрдую поверхность. Дух, пресыщенный благами и болью, отторгал прожитый этап, хотя, не сопротивлялся настойчивой памяти. «Права ракушка, наши души набиты невежеством. Взять меня... часто грезил избавиться от мусора воспоминаний. И что, тянусь к ним всеми частичками существа. Ведь уже подобное переживала».

– Справедли-и-во-о, – влезла в мысли бесцеремонная любительница поговорить, – насчёт жабр примитивно. Ты дышала морем, когда беседовала с Ведающей Тайной. Разве у тебя не свободный дух. Ты не достигла, навыка в воображении, твоя мысль не летит стрелой к цели, добиваясь результата?

– Милая, не трудись дальше, – уловила намёк Роза, – если будешь надоедать, положу за стену.

– Нет-нет-нет, – возразила ракушка.

– Думаешь, не сумею?

– Разумеется. Живой кит слушает веление сильной воли. Мне помнится, кто-то сетовал на отсутствие таковой, – выдала ракушка, принимая выжидательную позицию.

– Дааа! Мы и памятливые, – усмехнулась Роза и сосредоточилась на стене.

Та затрещала...

– Нет-т-т, – донёсся испуганный возглас, – я пошутила. Недаром жрецы выбрали тебя. Другого – на тонущем судне, отвергли. Им овладело забытьё: сердце не вместило сотворённого греха: немногим удаётся сладить с тем, что накопили в себе.

– Ты о ком?

– О том, кто прибыл вслед за тобой.

– А... о мерзавце начальнике. Кстати, у вас есть и другие землеходящие?

– Конечно! Со времен Атлантиды. Я, лично, с несколькими работала. Ты, самая приятная. Тебе сразу удалось открыть тайну живого кита.

– Ладно-ладно, лесь у меня не в чести. Лучше расскажи, что и как, тут у вас?

– Когда справишься сама с собой, мы везде побываем. Наш мир огромен, красив и не менее ярк, чем суша. Представляешь, смерть от засыпания землёй... Фу... неприглядная штука.

– По-твоему, где человек умер, там ему и место?

– Примерно так! Ну... совсем неинтересная тема. Давай о другом...

– Почему? Аааа... видно, в этом вопросе неопытная.

– Я?!... Хорошо. Начинаящая, но способная. Выдержала экзамены на целый век, не только в специализации по землеходящим, – ракушка резко спрятала усики.

Роза вспомнила Замок Цветов, момент приглашения в клуб «Бабизм» и улыбнулась тому, что тогда тоже нагромодила ереси.

– Не сердись, дорогая помощница, хотя я не прочь побыть в тишине.
– Отлично, немного подремлю. Роза, обещай, что буду твоей подружкой.
– Разумеется, мы уже подружки, – согласилась женщина и отложила ракушку на край матраса.

Роза укуталась в нежное покрывало. «Не буду спешить, приближать события, взвешу за и против», – решила она.

Тоска... надоевшая тоска навевала воспоминания о Замке Цветов, унеся в далёкий день, в час похожей ситуации, в час... когда Роза не помнила даже своего имени.

– Нет, так дело не пойдёт, – подала голос новая подружка, – вот тебе мыслефиксатор, надень на голову, и неспешно вспоминая, по порядку день за днём, поведай о своём чуде и страдании.

– Зачем?

– Освободи сознание от воспоминаний. Не возражаешь, что составляющие жизни – страдание и чудо. Большая часть людей чудо отвергают из-за невежества, вот и остается – довольствоваться первым. Страдание наполняет их быт. Выскажи, будто пишешь книгу... роман. Сделай последнее усилие – убеди людей, что чудо, скрашивая жизнь, истребляет страдание.

– Но я же... – растерялась Роза, осознавая потребности для книги.

– Подружка, ау! Бумага или что там ещё надо... уже не для тебя. У тебя есть мыслефиксатор. Ты думай, остальное он сделает сам. И не сомневайся, прочтут твой роман, ещё как прочтут. Оставь тень воспоминаний позади себя.

– Ой! Действительно, если в воздухе витает мысль, голова найдётся и остальное сложится. Тень говоришь...

– Ну, это зависит от духа Розы, – поспешила с ответом ракушка.

– Пожалуй, ты, милая, права. И начну с похожей ситуации, когда проснулась на каменном ложе в Замке Цветов.

– Уже заинтриговала. Думай скорее, буду первая твоя читательница.

– Договорились, давай, малышка, подвину тебя ближе, – согласилась Роза и надела мыслефиксатор, не удивляясь зелёному листу речной кувшинки.

Глава 5

Мысли Розы текли ровно, словно ложились на белый лист бумаги. Она начала писать роман, длиною в свою нелегкую жизнь. И верила, что на Земле найдется тот, кто преобразует её мысли в буквы и запишет на бумаге.

* * *

...Припухшие веки дрогнули, оживив бледное лицо. Зрачки расширились от боли в онемевшем теле. Торопливый взгляд заскользил в полумраке и замер на решётке крохотного окна.

«Ну и темень», – мелькнула мысль. Женщина громко застонала от ощущения нестерпимой тяжести в груди. Боль, волнение соединились в одном паническом нерве, перерастая в крик. Он вырвался, оживляя помещения: пространство словно задвигалось под воздействием голоса, раздался скрип затвора.

Дверь отворилась...

Из коридора бесшумной змейкой скользнул свет, пахнуло свежестью.

На пороге возникла высокая фигура. Чья бравая выправка уничтожала намёк на женственность. Короткая стрижка вместе с беретом, заломленным по-мужски набок, выказывали симпатию к сильному полу. Дама насупилась, остановилась на пороге и прикрикнула:

– Тихо! Очнулась, дармоедка и сразу голосить, – для пушей острастки она ударила резиновой дубинкой по краю двери, – здесь подобный музон никого не колышет. Так что стухни по-хорошему.

Лежащая затихла, всматриваясь из темноты в незнакомку, по-прежнему не понимая, где находится.

– О... уже лучше. Брысь под лавку и ни гу-гу! Добро пожаловать в Замок Цветов. Для подобных лютиков, грядка всегда наготове, – служака потопталась на месте и потянула носом, как бы желая высморкаться. – Да, чуть не забыла: когда кто-то заходит, ты, должна торчать у стены!

Установка дополнилась строгим взглядом, заставляя сделать усилие и хотя бы сесть. От напряжения возникла тошнота. Женщина прикрыла ладонью рот.

– Э... не вздумай обрыгаться! В местной забегаловке горничные не предусматриваются, – суровая дама нахохлилась.

Черты лица заострились. Пустой взгляд замер. Она будто превратилась в статую, отлитую из чугуна. «Пожалуй, надо у Чугунной Бабы спросить, что со мной?» – решила женщина и с трудом вымолвила:

– Где я?

– Даёшь... «Где я?» На Луне! Не в санатории, верняк. Хотя, как к делу подойти... если с учётом отдельных апартаментов, дармовой жрачки и ослепительного общества, – дама провела рукой по талии и бедру, очерчивая свой стан. Горделиво приподняв голову, окончила мысль:

– То, наш обитель, сойдёт за курортную зону. Доведись до меня, я б вас, хабалок... сразу к стенке – голышом. Это Он милость проявляет, по мне – к столбу и всё. Короче, ты, узница. Осуждённая, одним словом, и без разницы... кто ты. Важно кто я! Не сомневайся, буду на всю катушку приглядывать. Отныне для тебя я папка, мамка и Бог в одном флаконе.

– Почему узница?

– Издеваешься?! – сплюнула сквозь зубы надзирательница.

Женщина покосилась на упавшую пенистую каплю, собралась узнать что-то необходимое, но рассудила:

– Верно. Если хозяйка можете, поставить любого – к стене. Хотя, я и так не разодета. Здесь бр-р-р, – она передёрнула плечами, подавляя зябкость.

Смотрительница прислонилась к косяку, взгляд выразил недовольство. Узница соображала, терпение у той на пределе. Она опустила босые ноги и медленно подошла к столу. Вцепившись в его край, остановилась, подавляя головокружение. Казалось, биение сердца раскачивало не только её, заодно и стены. Служивая, ухмыльнулась, и, согласилась:

– Что правда, то правда... Шмутьё не от кутюрье, и парок скорей отсутствует, чем присутствует, но вам, мадам, холод на пользу.

И она перешла на откровенный сарказм, советуя больше двигаться, чаще дышать, громче выделять естественные газы, отчего якобы будет теплее, и можно дольше протянуть в «безоблачном местечке».

– Как же в зиму? – испугалась заключённая, решив, что за стенами лето.

Взглянув с опаской на окно, осознала, что за ним вечность чёрствого, пыльного ненастья.

– Да-ёёшь!! – расхохоталась хозяйка положения. – Никак, до белых мух докоптить собралась? Не дреейфь! – снизошла она до милости, глядя на растерянно моргающую собеседницу.

– Если до холодов не завянешь, милочка, награжу за выживаемость охапкой сенца. Будешь блаженствовать, как на перине! – надзирательница развернулась к выходу.

Дверь сомкнула железные челюсти, оставив оторопелую узницу в плену мрачной пасти. «Ушла... а я?» Завис вопрос, а взгляд вновь коснулся крошечного окна. За ним бодрствовал день: мутное стекло пропускало слабый лучик света. Он пробивался сквозь старую решетку, как между ржавых зубов. Подобно догорающему огарку, свет расплзался, позволяя привыкнуть к полумраку: различалось призрачное очертание стен.

«Что происходит?» – продолжала недоумевать женщина. Озираясь, ощущала, как из темноты вылезает невидимая сила, налегая на плечи, спину, заставляя сжиматься. Взгляд невольно заметался, куда спрятаться и ничего не чувствовать. Слёзы потекли по щекам. Сердце. Предательское сердце... то пропадало, то рвало горло.

Теряясь и задыхаясь в приливах тревоги, узница поддалась отчаянию. Невольно нагнетая страх, чувствовала, беспросветность находится не только вокруг, но и в голове, стремясь поглотить без того сумбурное мышление. Теснота пугала. И, часть женской сущности неистово рвалась, покинуть тело. Хотелось разорвать себя. Она понимала, нужно что-то предпринять, вырвать ядро страдания.

Сорвавшись с места, кинулась лихорадочно ощупывать стены. Руки действовали сами по себе. Мысли чахли, не окрепнув, словно чья-то власть выжигала их. Голова гудела. Пальцы сжались в кулаки и забарабанили по стене. Мозг, объятый едким туманом, не пытался их обновить, наоборот, уцелевшей долькой требовал боли, точно той не хватало:

– Круши, бей, грызи!!! – призывал он.

Тут же... чей-то слабый голосок, сидевший внутри сердца, шептал:

– Уйми-ии-сь...

Но третий – властный и сильный, живущий в крови противился всему, захлёбываясь жаждой смерти, велел:

– Убей себя!!! – и сулил за радужным занавесом смерти покой.

Вопя что есть мочи, горемычная металась по камере, разбрасывая, пиная, стуча в то, что попадалось на пути. Но и этого не хватало для выплескивания злости. Узница ударилась головой о каменную стену. Перед глазами поплыли красноватые круги. Замерев в горячем мареве, сообразила, что не ощущает боли, найдя ушиб слабым, разбежалась... и повторила удар.

Гул тысячи стальных проводов вклинился в уши, наполняя череп скрежетом и звоном. Раздувая ноздри, женщина настырно добивалась желанной боли, стуча лбом в одно и то же место. Устав от пустых усилий, впала в отчаяние. Скрежеща зубами в продолжительном стоне, впилась пальцами в камни, оставляя на зазубринах преграды частицы ногтей и кожи.

Однако стенания не принесли облегчения. Она завывала волчицей... протяжно... заунывно. Голос поднимался из живота. Чувствовалась в нём безмерная тоска. Но и он не отыскал отклика не в чьей душе: никто не появился на пороге, не посмотрел в волчок, глухие стены не жаждали внимать страданию.

Наперекор всеобщему равнодушию, узница решила не подчиняться источнику страдания. Вновь заметалась, атакуя стены и дверь. Лишь ощущение тёплого скольжения по виску и лицу заставило затихнуть. Сгорбившись, коснулась бегущей струйки, и резко убрала руку, точно обожглась. Леденящая догадка пробила током:

– Я что, лысая? – прошептали распухшие от слёз губы.

Чтобы развеять сомнение боязливо ощупала голову. Вытерла с лица то... тёплое, густое и липкое. Пригляделась к ладоням. Понюхала и даже собралась отведать на вкус. Почти дотронулась красного пятна кончиком языка. Сознание опередило действие, подсказывая, что это могло быть. Сжав зубы, отёрла ладони о штаны. Часть крови впиталась в ткань, другая – ржавчиной въелась в складки кожи. С окровавленной головой застыла бедняга, как дополнение к равнодушному ужасу незнакомого и пугающего помещения.

Сколько сидела узница, сверкая глазищами разъярённого зверя, прислонившись к холодной стене, кто бы об этом поведал. Наверно, долго: затекли мышцы ног, колющие мурашки по телу усиливали изнеможение. Тяжело вздыхая, пошатываясь, направилась к скамье. Подойдя, обнаружила валявшийся скомканный матрас, рваное одеяло, и рухнула бесчувственной чуркой на горе-кровать.

...Полежала... затем села, обняв колени. Почувствовав озноб, закуталась в одеяло, притаилась, боясь пошевелиться и запустить холод. Глубоко в себе поскуливала всё той же волчицей, загнанной в тиски силков.

С оцепеневшим телом, за исключением сердца, пульсировавшего в ушах, тосковала, пока тёмно-синий мрак не завесил окно. Было ли это ночное небо, или что-то другое – не интересовало: узница, решила, не мешает уснуть, и передумала от звука приближающихся шагов. Вытянув шею, прислушалась...

Глава 6

Дверь открылась. Появилась голова, затем – нога и, боком, неуклюже, протиснулась смотрительница – Чугунная Баба. Привычным движением водрузила на стол ведро и чайник. Крышки громко звякнули. Женщина, вытянувшись в стойке, терпя вновь головокружение, вспомнила метания по камере и сравнила себя с мышами в западне.

– В крысоловке, – поправила смотрительница.

Женщина вздрогнула и подумала, что высказала мысли вслух.

– Мандраж колотит, аль думки дают? А мышам тут не место. Тюрьма, она есть тюрьма! Лучше жри, следующая серьёзная кормёжка аж, через сутки, – оповестила надзирательница.

Слова изо рта служащей лениво вываливались, руки действовали механически, обвислые щёки усиливали мрачность, утренняя выправка затерялась в складках формы. Женщина покосилась на торчавший из ведра половник, и родилась мысль, что неплохо бы им хватить начальницу по голове и бежать. Мысли сбил прилив дурноты. «Как всё-таки муторно», – подумала она, пересилив себя, решила спросить, что вообще происходит? Собралась с духом... Но язык всё испортил, вылез вперёд задуманных вопросов, бормоча невразумительные отрывки:

– Я... мне.... где... ммм...

Выработанной за смену надзирательницы было не до лепета заключённой. В дверях показалась другая дама, упитанная коротышка в плотно облегающей форме. Создавалось впечатление, что туго затянутый ремень вот-вот лопнет, отбросив начищенную бляху. Колкие глазёнки новенькой сверкнули. Пухлая рука нервно сжала дубинку. Узница поняла, с вопросами опоздала.

– Что увязла? – осведомилась вошедшая.

Чугунная Баба молчала.

– Ба-тю-шки... да тут свеженькая подсадочка! Кто-кто приживается? – зазвенел пронизывающий голос.

К щекам узницы румянцем прихлынула обида. Чугунная Баба отыскала в углу мятую алюминиевую кружку и налила кипяток.

– Что, в рот воды набрала? – обратилась коротышка к сослуживице.

– Воткнули в ту смену, – вяло отозвалась та.

Женщина невольно оглядела себя. Чугунная Баба, размешав что-то в ведре, откуда дурно пахло, зацепила содержимое и шлепнула одной массой в железную миску. Разлетелись мелкие и тяжёлые капли, некоторые достигли руки заключённой. Она, поморщившись, стряхнула их.

– Маши не маши, умять придётся, цветочек Роза, – отреагировала на движение коротышка.

Узница опустила голову.

– Так-то лучше, грязь подзаборная, – просипела коротышка, похлопывая дубинкой по голенищу хромового сапога.

Колкость не коснулась ушей заключённой. Её заинтересовал свет, падавший из коридора. Он заманчиво дразнил. Женщина увидела прижатый в углу камеры унитаз. «Освещения нет, горшок есть. Верно, не таскать же за мной помои. Потом, зачем свет... рожи противные разглядывать», – размышляла она, понимая, что соглашается с неудобствами угнетающей обители.

Коротышка, желая вставить очередную грубость, открыла рот и поперхнулась воздухом. На выручку подоспела напарница:

– Радуйся, что света нет. В Розарии он тебе... – Чугунная Баба, в дополнение к известию сжала двумя пальцами себе горло.

– Так что наши услуги к вашей усяде, – присоединилась коротышка, прокашлявшись.

Она запрокинула голову, выставив живот, подобно беременной, отчего свалился берет. Кряхтя, смотрительница подняла его, усердно стряхнув, натянула на пегую гулю скрученных волос. Ядовито усмехнувшись, оповестила, что, Розе предстоит шлёпать по плацу, не забывая мыть передок, дабы дырка ненароком не заросла, и напрямик на брачное ложе.

– Какое ложе и Розой, почему зовёте? – дерзнула вступить в разговор узница, сделав шаг назад.

– Батюшки! У неё зубки есть, – взвизгнула коротышка.

– Шу-у-страя... – подметила Чугунная Баба.

– Сейчас и проверим насколько, – взгляд коротышки оживился.

Женщина уяснила, что с храбростью перегнула, но деваться некуда, приготовилась к худшему. Вопреки опасениям, обе смотрительницы расхохотались. Глаза заключённой сузились от непонимания.

– Повеселила... вот спасибо, – отошла от смеха Чугунная Баба, – сто лет не ржала до слёз. Чудные, однако, людишки.

– Во-во, пусть затянет песню о любви и братстве. Мы послушаем и шустро кое-что на тарелочке припрём. Ага, подруга? – влезла коротышка. – Учти, погань, ты, возлюбленная дьявола. Он на того дышит, кто верно служит. Это там выбирают! – она махнула дубинкой на дверь. – А, ты, здесь! Так что нечего сметану сгущать, Розочка!

Коротышка с силой хлопнула ладонью по столу. Вода в кружке заплясала, но не расплескалась. Удар совпал с лязганьем крышки по ведру. От резких звуков заложило уши, странный диалог сбивал с толку, всё же узница повторила вопрос:

– Зачем я тут, и почему Роза?

– Согласно вывеске, – буркнула Чугунная Баба, указывая рукой с чайником на фанерную табличку, прибитую к двери.

Чайник задел косяк. Вода смочила сапог. Чугунная Баба не обратила на это внимания. Зато коротышка подскочила, словно её окатило кипятком. Женщина решила, пора назвать наречённое имя. К своему горю или счастью, не вспомнила его. Получалось, она не в курсе, происходящего, и даже забыла своё имя. «Как быть? Как быть?» – заметались мысли. «А, скажу как есть!» – и закричала вслед уходящим, что ничего не помнит и ей плохо.

– Ты что ожидала? – бросила на ходу Чугунная Баба.

– Розой, почему называете?

– Сказала же, согласно вывеске, – повторила Чугунная Баба.

Узница кинулась наперерез и прочла на бледно-рыжей фанерке чёрную надпись: «Роза».

– Убедилась? Свободна, – смотрительница оттолкнула бедолагу движением мощного бедра.

– Я на самом деле ничего не помню. В голове абсолютная пустота, – настаивала женщина со слезами в голосе.

– Ещё бы! Не следовало тебе, красавица, по стенам последние мозги размазывать.

И было не ясно, сочувствовала Чугунная Баба или радовалась чужому горю. Коротышка сдвинула белобрысые брови. Узница не отступала, требуя с ней поговорить, разозлив напористостью надзирательниц.

– Задрала, язви тебя, – фыркнула коротышка и обошла напарницу.

Женщина подалась в спасительную глубь камеры.

– Отныне, ты... собственность Замка Цветов, и имя тебе... Роза. Раз и навсегда, в твоей грёбаной жизни. Вникла?! – гаркнула коротышка, краснея и раздуваясь от гнева.

Женщина подумала, что при других обстоятельствах непременно бы рассмеялась: смотрительница походила на шар, грозящий взорваться в любую секунду. Сейчас же, пятясь, не отводила глаз от брызгающего слюной рта смотрительницы. А та приближалась, чувствовалось её горячее дыхание. Узница пригнулась. Слова о том, что у Розы больно резко отшибло память, а в Замке Цветов так скоро никто зелень не терял, резали слух. Да и Чугунная Баба подкидывала не менее колкие шпильки, будто Роза рекордсменка.

Раздался свист от занесённой дубинки. Женщина невольно присела на корточки, выставив вперёд руки. Голова втянулась в плечи, как у черепахи превратив тело в грушу для битья. Но удара не последовало... Она открыла глаза и увидела, что коротышка чуть ли не висит в крепкой руке Чугунной Бабы.

Осознав своё положение, та возмущённо дёрнулась. Напарница усилила хватку. К своему стыду, смотрительница поняла, что ноги вот-вот потеряют опору, и решила уступить: избежать позора перед заключённой.

– Отпусти, – прохрипела она с дрожью в голосе.

Чугунные клешни разжались. Поправив резким движением гимнастерку, коротышка выпрямилась и смирila осуждённую зловещим взглядом.

– Будет тебе, пошли, ночь на дворе. Успеешь наиграться. Ей не завтра усыхать, – потребовала Чугунная Баба и слегка подтолкнула напарницу.

Та упёрлась.

– Что ещё? – лениво осведомилась Чугунная Баба.

– Думаю... – интриговала коллега.

– О чём?...

Коротышка упрямо молчала, перебирая связку ключей.

– Выкладывай, – согласилась на разговор как на пытку Чугунная Баба.

– Прикидываю вот...

– Короче и запирай горшок.

– Как знаешь... Смотрю на тебя – здоровая! Силища... не у каждого мужика водится. Меня, стопудовую, одной рукой ухватила. Слыхивала, ты железки тягала, буровят, медаль какую-то имеешь?

– Допустим, не какую-то, а золотую и не одну, – поправила бывшая неоднократная чемпионка по тяжёлой атлетике и спросила:

– Тебе есть до этого дело?

– Ба-а-тю-шки! Что же здесь пугалом ошиваешься? – вырвалась у напарницы незамаскированная зависть: – Вот, не зря прозвали тебя «Чугунная Баба», – усмехнулась коротышка.

– Затвор не забудь накинуть, – закончила разговор смотрительница.

Дверь остервенело хлопнула. Ошеломлённая узница осталась один на один с мыслями: «Надо же, как ловко я подметила на счёт «Чугунной Баба». И подумала, что могла слы-

шать о чемпионке и допустила, как подобному человеку, прежде чем попасть в жуткое место на службу, сложно пережить духовную ломку. Размышляя об одной, вспомнила, как другая – перед выходом, пригрозила увесистым кулаком. Женщина решила, что бы ни пришлось выстрадать, никто её не сломит. Вряд ли она осознавала, почему дала такое обещание.

Возможно, подобное решение внушает сама Судьба. Вливает в человека силу для борьбы или, наоборот, вопреки нашему желанию, лишает способности к сопротивлению. Судьба – кормчий. Ей видней. Она с Господином Случаем испытывает всё живое на прочность во временном отрезке под названием Жизнь.

Печальная узница, сидя на табурете, прислушивалась к удаляющимся шагам, пытаюсь вычислить длину коридора. Это удалось, о чём пожалела: расстояние как бы увиделось, отчего камера сузилась, ощущения соединились в животе тоскливым комом. Он заурчал. Женщина попробовала не думать о ноющей плоти, мечтая убить мысли.

Неуёмное сознание брало своё, навязывая размышления, накручивало нервы и будоражило дух. Один взгляд оставался преданным: метался в надежде найти отвлечение от назойливых дум.

Ожили мысль о еде, с ощущением горечи во рту.

– Фууу... – состроила брезгливую гримасу узница и махнула рукой, задев на столе миску.

Та полетела в таинственный мрак, приземлившись на что-то мягкое, так как не последовало стука о каменный пол. Это мягкое зашипело. Взгляд заключённой уловил мелькнувшую зеленовато-красную искорку.

«Ой!... это крыса!» Победила испуганная догадка остальные мысли. Женщина молнией залетела на каменную скамью, забившись в угол, зажмурилась, затаив дыхание.

Возникло ощущение, что она тонет в пучине вязкой тьмы. Выручила усталость век: пришлось расслабиться. В сознание полезли звуки, наполнившие комнату чавканьем, шуршанием и почесыванием. Воображаемые слуги опасности приблизили дыхание зверька. Захотелось, избавиться от неприятных ощущений. Она нащупала одеяло и залезла под него.

– Роза, Роза, Роза... – начала повторять первое, пришедшее на ум слово, не открывая глаз, верила, оно отвлечёт от враждебных шорохов.

«Если меня и впрямь так звать? Почему, всё-таки ничего не помню?» – всплыли старые вопросы и тоже не спасли. Крысиная возня оказалась сильнее, заставляя прислушиваться. Женщина закрыла ладонями уши.

Страхи, наступая живой машиной, подбирались к голове и сознание тупело.

– Помогите, помогите, – зашептали губы, она взялась раскачиваться в такт голосу.

Мерещилось, что бормочут не только губы, но и другие органы. Монотонный лепет блокировал слух. Тяжесть ночи отступила, удалось одолеть крысиную угрозу и увлечь за собой воздух. Чувствуя кожей прохладное вращение, женщина качалась и качалась, мыча под нос:

– Ммм... мmmm...

Бессмысленные звуки разносились по камере...

Так продолжалось бы и дальше, если не сухость во рту. Вспомнив о кружке с кипятком, сочла, тот мог не остыть. К мысли о тепле подталкивал озноб. Дробь зубов отдавалась в висках. Узница подошла к столу и нашла кружку.

На счастье вода не остыла, тепло обдало приятной волной. Стараясь не пролить ни капли вернулась, смакуя, мелкими глотками, выпила половину. Появилась приятная нега,

клоня в сон. Допив остаток, швырнула посудину на пол. Натянула на голову одеяло, скрутилась под ним калачиком.

...Безжалостное сознание не собиралось отдыхать и в минуты сна, проявляясь в виде кошмара: снилось, как старалась вспоминать. От напряжения голова распухала. Появились смотрительницы. Чугунная Баба с огромной, на всю грудь, сверкающей медалью склонилась над ней, придавливая весом награды. Она же, пыталась изо всех сил освободиться, почти выворачивалась, но другая – пухлая коротышка толкала голову обратно и требовала называться Розой. Она вновь вырывалась... Голова звучно колотилась мячом о медаль. Каждый удар усиливал в ушах звон, делая сознание тупей. Смотрительницы долго мучили её. В конце концов, она не выдержала, и согласилась с именем Роза, проснувшись от смеха победительниц.

Осознав, что сон позади, почувствовала, как включился беспощадный кошмар яви: голова раскалывалась, сковывал холод, хуже всего, что предстояло покинуть нагретое место. С потребностью организма не поспоришь. Вздохнув, женщина бросила взгляд на окно.

Первые лучи восходящего солнца едва касались стекла. «Хоть там скоро будет светло», – подметила она и села, не снимая одеяло, присмотрелась, нет ли серых тварей. Решив, что голос отпугнёт их, громко застонала и направилась к унитазу.

Липли к ногам камни пола, или подошвы клеились к ним, не волновало. Она стремилась громче шлёпать. Хотелось, быстрее возвратиться на скамью, хотя понимала, жёсткое ложе слабое убежище от серых хозяев. Да и сам камень, как она не спешила, подсунул разочарование: остыл.

Новые усилия согреться разогнали сон. Она лежала, глядя в потолок, прокручивая разговор смотрительниц. «Если потеряла память от вчерашней истерики, не помнила бы самой истерики. Нет! Из головы выветрились события до того, как проснулась на этой коечке. Судя по разговору, здесь я недавно», – размышляла женщина.

Больше всего занимала мысль о сумасшедших. Возникло подозрение, не больна ли она? Прислушалась к себе... и решительно отбросила сомнения. Затем вглядывалась во мрак стен и щурилась. Увы, не возникло ни единой картинке, ни малейшего проблеска – полный провал... затмение... бездонная яма. Вот на что походил орган, отведённый природой для воспоминаний. Разочарование и щемящая тоска заполнили каждую дольку мозга, пугая пуще грызунов.

...Лежать надоело, принялась маршировать и нашла пустую миску.

– Схрумкали, сокамерники! Быстро я с хвостатыми смирилась. Хоть бы меня сожрали. Может имя принять? Роза так Роза... вроде неплохо. Мне что... холодно или жарко... Буду Роза.

Затем узница, по имени Роза, направилась к раковине помыть миску, открыла барашек. Вода потекла слабой струйкой и воспринялась колючей, будто состояла из микроскопических кусочков льда. Прохлада взбодрила. Роза закружилась на одном месте и делала это, пока не почувствовала в ногах дрожь. Утомившись, рухнула на скамью, слушая, как разгорячённая кровь бродит по венам.

Чувство усталости вскоре прошло. Вылезли давние терзания, навязывая требования: добиться любым способом причины нахождения в каменном мешке, среди бездушной охраны. Она сообразила, если вспомнить не получается, следует ждать случая. «Ждать, ждать и ждать!» – приказала себе и напустилась на судьбу, ругая заодно невезучесть. Незаметно

перешла на просьбы, взывая в пустоту, моля о часе покоя, вспомнила сон. Он нахлынул беззвучной волной, возвращая притупившуюся головную боль. Роза помассировала виски.

Если бы легко удавалось избавиться от чувств, человек не познакомился бы с депрессией. Забавно, ведь люди со всеми проявлениями в руках Божьих. Получается, проще уступить боли и унынию. Так нет! Побеждает борьба: трепещется в сердцах до последнего вздоха, и правильно, иначе как укрепить силу. Пусть упрямство несёт новые проблемы, с нескончаемым выбором, принуждая надеяться только на себя. Именно так, человек растит в себе несокрушимый Дух Воина.

Роза ловила себя на мысли: «Вдруг то, что всплывёт, страшной реальности». Чтобы забыться, укрылась с головой, терпя духоту до звона в ушах. Вихрь однообразных гудящих звуков подхватил сознание. Оно последовало в неведомое пространство. Липкая испарина покрыла согнутую, продрогшую фигуру. Всё стихло.

...Очнувшись, Роза не поняла: уснула, или кто-то, услышав молитву, подарил короткое забвение. Глаза не открывались, а наступивший день упорно будил охоту жить. Солнечный зайчик посланником света заиграл на щеке нежным теплом. Она вспомнила момент до провала и то, как закуталась в одеяло. Сейчас, то лежало рядом. «Значит, раскрылась во сне», – обрадовалась она тому, что не находилась в обмороке. Заботливая частичка солнышка растрогала: ресницы дрогнули, на долю секунды приоткрылись глаза, в карем блеске мелькнуло наслаждение в знак признательности доброму гостю. Веки вновь сомкнулись, сливаясь с общей гримасой печали. Лучик подрожал на бледном женском лице и упорхнул в соседнее помещение, надеясь, там ему дольше порадуются. Застойная атмосфера камеры пропиталась настроением обитательницы.

Глава 7

Явилась новая смотрительница, бросила на стол кусок хлеба и удалилась. Не взглянув на лежащую, подумала: «Везёт же нахалкам, дрыхнут, тут тащишься ни свет ни заря на stokлятой «Марусе», раздолбанной колымаге». Смотрительница ворчала на казённую машину, возившую её на работу, и на тех, за кем приходилось присматривать. За долгие годы службы свыклась с видом осуждённых, но, не соглашалась с самим фактом нахождения женщин в тюрьме. Она полагала, что Господь определил им место у домашнего очага. Поэтому утверждала, если кто-то из женщин не в силах блюсти людской закон, обществу следует искать другой метод наказания, а не своевольничать.

Надзирательница медленно плелась, шаркая подошвами старых сапог. Иногда останавливалась, крестилась, благодарила Господа за то, что избавил её от гордыни. И искренне сожалела, что страдания в тюрьме не учат разуму.

Она достигла стены, где находился тайничок, приподнялась на цыпочки. Просунула руку в нишу, вытащила сумку, сшитую из разноцветных лоскутков ткани. Заглянула внутрь, потрясла, определяя вес, озабоченно покачала седой головой. Настроение поднялось, как только доложила в самосшивку хлеба. Поняв, что содержимое пора забрать домой, представила обожаемых рябеньких курочек. Те весело потряхивали красноватыми гребешками, спеша к кормилице. «Радость моя. Будя вам угощение, будя», – улыбнулась смотрительница, умилённая представленной картиной, добавила ещё несколько ломтей. Перед этим понюхала один. Запах свежей выпечки внушил чувство сытости. Ей показалось, что ощутила благодарность, испытываемую курами. Завязав тряпичные ручки, опустила запас обратно. Находя, что вскормленники самые преданные существа, отправилась дальше.

* * *

Окружающая тишина умиротворяла. Роза убивала время, грея собой каменную лежанку. Иногда проваливалась в желанное забытие и радовалась, что никто не беспокоит, итак, до позднего вечера.

...Стемнело. Наступила пора ночного обхода. Утренняя надзирательница, обнаружив нетронутую пайку, наградила заключённую вниманием.

– Живёхонька-ль? – поинтересовалась она.

Не услышав ответа, направилась к скамье. Подойдя, приподняла резиновой дубинкой край одеяла. Свет от направленного в лицо фонаря вынудил веки дрогнуть. Смотрительница вздохнула. Роза осознала, приятно, когда о тебе волнуются. Одиночество отступило и мелькнула мысль: «Не снится ли всё?»

– Хвала Господу! Что ж голодом себя моришь?

Роза вслушивалась в пожилой голос...

– Еда тут и так к родимой подталкивает. Аль впрямь собралась туда? Зачем с пустой утробой... – смотрительница, не закончив фразы, закашлялась.

Надрывный кашель заставил узницу открыть глаза. Она поспешно огляделась, осознав, что не спит, спросила:

– Вам плохо? Надо кого позвать... Я сейчас.

Роза кинулась к двери.

– Не-е-т, – прохрипела надзирательница, испуганно махая рукой, – пить, пить дай.

Роза нашла на полу кружку, налила воды и протянула женщине. Та осторожно сделала несколько глотков. Кашель стих, оставив дыхание тяжёлым. Смотрительница, расправив плечи, била себя кулаком в грудь, точно намеревалась расправить лёгкие. Переведя дух сказала:

– Спасибо.

– Да что там, – махнула Роза рукой и, по обыкновению, улеглась.

Та промолчала. Роза осталась лежать.

– С этим миром можно распрощаться... согласна. Чего в нём славного? – завела та разговор.

– Именно, – согласилась Роза.

– Ну-у... об этом ранее чаять надо! До того, как сюды загремела, теперича что биться о стену. Его, Родимого, остаётся молить, – смотрительница перекрестилась.

Роза обрадовалась, вот... он момент удачи: с ней беседует сердечный человек, сейчас узнает всё о себе.

– Молись, милка, молись, – добавила смотрительница, – гляжу, молодка совсем. За что к нам гостевать определили, да ещё в самый гадючник сунули?

Розу словно оглушили обухом: выходит ошибалась, полагая, для тех, кто за пределами её каменного мешка, не секрет, почему она здесь. От внезапного открытия навернулись слёзы.

– Почто молчком корпишь? – пытала собеседница.

Розе ничего не оставалось, как ответить:

– Не знаю... я не помню себя.

Смотрительница удивлённо приподняла брови и вытянула в задумчивости собранные пучком губы. Роза, положив подушку под спину, прижала подбородок к коленям.

– И вы туда же, я-то... размечталась.

– Не помнишь, ну-ну... Бог с тобой.

– Что сделать, чтобы поверили?

– Я-то верю, но от моей верушки памяти не прибудет. Помолись... не гнушайся.

– Помолилась бы, да говорю, ничего не помню. Скорей не молилась никогда, если здесь.

– Энто верно! Только молитве память к чему? Ты, горемычная, сердцем, сердцем проси!

Он, Родимый, всякого прощает, авось тебя услышит, – смотрительница коснулась пальцем области сердца и немного помолчав, добавила: – Так доходчивее нежели тексты заученные шпарить. Мы все под Ним ходим. В Его руках Благословенных выживаем. Мир – он чистый. Мы, грешники, запоганили Свет Божий, ещё, бесстыжие, милости просим. Грехи-то отмаливай. Ой, видно много... коль сподобилась в эдакую дыру угодить.

Роза готова была разрыдаться в любую секунду. Смотрительница это чувствовала и наложила крестное знамение на себя и на узницу.

– Не тужи, ты бабёнка добрая... хоть жизнь тебя и киданула. Случись приступ, будь он неладен, в другом горшке, так зараз извели бы нехристи. Не то, что водицы принесть. В тебе нет ненависти, как погляжу. За это Он будет милостив. Немало вашего брата... о-хо-хо повидала! Мож, до твоего светлого дня доживу. Коли, Он позволит... Ох, покондыляю... то, как моя смена одна мотаюсь. Сократили служивых: средств нет жалование платить, а те, что остались всё болеют и болеют. Будто я, перечница старая самая здоровая, и мне всё одно, где кони двинуть. Начальство нанутьё внимания не обращат: рискую, куда денешься... до пенсии месяц

– другой остался, сдюзить треба. Ну, прощевай... а поесть надеть! – взгляд смотрительницы пробежал по столу.

– Хлебушка скопилось... не съешь ведь...

– Заберите, то крысам достанется.

Та сгребла кусочки в целлофановый мешочек, вытащенный из кармана. Закрывая дверь, продолжала рассуждать:

– Печалится бабёнка. А как же! Хорошему люду тюрьма хуже смертушки, энто быдле дом родной, – гремя ключами, подалась к другой камере.

Роза испытала опустошенность, словно ушедшая – захватила с собою все вопросы и надежды.

Так уж устроен мир, в нём всему свой срок. Человек должен испытать отпущенные ему горести и радости, признавая в этом мудрость.

Вот и узница продолжала помогать унынию, доедать себя. Прошла не одна смена пожилой смотрительницы. Роза не пыталась заводить разговор, просиживая целыми днями, закутавшись в одеяло. Иногда ела, не ощущая вкуса, и бессмысленно сверлила взглядом точку в пространстве.

Память продолжала бродить по неведомым закоулкам сознания. Мышцы привыкли к твёрдой скамье. Жизнь будто замерла, только рост волос выдавал течение времени. Первые недели трогала щетину. Потом поняла, наличие невытой шевелюры является причиной к раздражению, цепляющей болезненную струнку души. Роза пыталась не думать, во что превращается. Ведь за безучастием притаилось спокойствие, помогающее мирно взирать на пустые стены.

...Однажды появилась ревностная «блюстительница чистоты», решившая проучить неопрятную узницу: отходила непокорную дубинкой, не услышав рыданий, плюнула на затею.

Когда мучительница покинула камеру, Роза задумалась, почему дважды не испытывала боли? Ущипнув себя, взвизгнула, смачивая слюной синяк, долго ругалась...

Забыв о болячках, восприняла отсутствие памяти омертвлением какой-то части мозга. Успокаиваясь, что и так жить можно, полагала, если суждено выйти, держать лишнего не будут. «Если нет, зачем память», – согласилась она с внезапным убеждением.

Для абсолютной отрешённости выстроила стратегию существования, на принципе невмешательства: она не интересуется окружением, оно – ею. И то, словно приняло условие игры. В камеру никто не заходил, еду просовывали в нижнее окно двери. Роза часто оставляла пайку нетронутой, благодаря чему хвостатое соседство жирело. Взирая на обнаглевших крыс, в глубине себя, радовалась их присутствию. Мохнатые существа скрадывали жуть одиночества. Она разговаривала с ними, принимая за благодарных слушателей. Наблюдая за зверьками, воспитала в себе кротость, считая, что живут они взаперти, и ничего...

Проходили дни, недели, сколько их протопало через жизнь – не тревожило. Только когда рука случайно касалась волос, улыбка сожаления корбила сурово стиснутые губы.

Глава 8

Забытый скрип двери прогнал дремоту. Роза поспешно поднялась. Поток воздуха холодком пробежался по икрам. Отблеск света резанул по глазам.

– Встать!!! – оглушил оклик.

Привыкать к свету не пришлось: плотная стена незнакомых лиц заполнила дверной проём. Догадка, что явилось начальство, подтвердилось, так как на пороге возник господин холёной внешности. Его глаза сузились, взгляд устремился вглубь камеры. «Этот – главный!» – сообразила узница.

– Ну-с ... значит-с, Роза-с... – протянул он.

Розе показалось, что слова эхом отлетали от стен и ударялись о её голову.

– Роза-с... аромата-с полный процент-с, – цедил тот сквозь зубы.

Ей хотелось заткнуть пузатому гостю рот. Он словно считал её мысли и поднёс к носу нежно-белый платок. Господин рванул бы из камеры, да долг обязывал раз в год терпеть подобные мучения. Служащие жалели страдальца, видя, как тот потеет, подавляя брезгливость.

Пауза затягивалась...

Напряжение нарастало, подталкивая осуждённую проявить себя. Она следила за каждым движением представительного господина. Глаза выедала серая дымка волнения. Непреодолимая сила толкала к безумству. «Тихо, тихо», – уговаривала себя Роза, и чем больше – тем сильнее распирало нетерпение.

Смотрительница, знакомая коротышка, предчувствуя опасность, незаметно для остальных, пригрозила дубинкой. Это и послужило пусковой кнопкой. Со словами:

– Дяденька!!! Дяденька!!! – в мгновение ока Роза очутилась у ног начальства, изо всех сил вцепилась в брюки, называя почему-то мужчину дяденькой.

От неожиданности служащих пробил столбняк...

Первым пришёл в себя начальник тюрьмы Григорий Фёдорович. Но и он, топчась в неуверенности, то и дело поправлял кривые очки, ужасаясь собственному бездействию.

Заключённая продолжала терроризировать инспектора, требуя немедленно сообщить, кто она и почему здесь. Голос срывался на фальцет, прошивая током позвоночника служащих.

– Помогите! Помогите!! Люди вы или нет?! – звенело отчаяние, закладывая всем уши.

Самозабвенный вопль проникал в души, люди невольно впитывали боль и сильнее ощущали скованность. Только главному проверяющему было не до сострадания. В нём пульсировала неприязнь к человекообразному существу: как... оно смеет трогать его бесценные брюки!

Роза, уткнувшись в мужские колени, рыдала. Он не смел оттолкнуть: к состоянию брезгливости прибавилось опасение, что штаны вот-вот оголят зад. К своему стыду, уже чувствовал, те медленно сползают. Мысль о казусе сковывала, окружение закрывала оранжевая пелена гнева.

Проверяющего бесило, почему никто из охраны не спешит на помощь? «Дармоеды!» – кричал здравый смысл, а из пересохшего горла вырывалось лишь шипение. Лоб разгневанного инспектора заливал пот, стекая на помидорно-красные щёки. И не имелось возможности обтереться: приходилось двумя руками держать брюки, узница, продолжая рыдать, тормошила его с неистовой силой.

Наконец начальник Замка Цветов Григорий Фёдорович сообразил, что необходимо оттащить осуждённую. Он резко наклонился, потянувшись к Розе. Тут как нарочно, беднягу перекосило от резкой боли в пояснице. Не ожидая подобного вскрикнул, что заглушил крик арестантки: несчастного, на нервной почве, прострелил радикулит.

Новая напасть ввергла публику в следующий вираж растерянности. Зато Роза перестала мешать жалобы с требованиями, переключившись на проклятия, насылая их на всех сразу.

Инспектор понял, помощи не дожидаться и попытался обрести свободу, энергично пошевелил бедрами. Послышался треск ткани, а заключённая, словно приклеилась. От отчаяния мужчина издал грудной звук, так как от злобы слова застряли в горле.

Хрипение инспектора, сходное с предсмертным, всколыхнуло лес человеческих рук. Они устремились к отчаявшейся женщине. Кто-то ухватил горемычную и отбросил в сторону. Роза забилась в угол, понимая, что находится уже за пределами интереса толпы.

* * *

Григорий Фёдорович изо всех сил подавлял боль, расплзающуюся по всему телу. Его сознание раздвоилось: «Как опростоволосился, жуть постыдная!» – причитала одна половина мозга, другая – пытаясь загладить ситуацию, предлагала немедленно уничтожить паскудную бабёнку.

Но откуда было ему знать, что данный отрезок судьбы предрешён тем. Кто пишет сценарий для «театра» планеты Земля. И что именно в этот миг сплетается его роль трагика с судьбой ненавистной женщины.

От досады Григорий Фёдорович был готов содрать с узницы кожу и съесть на глазах у всех, лишь бы оплошность осталась незамеченной. Прodelывая в воображении задуманное, выпалил следующее:

– Уважаемый, Виталий Семёнович! Она новенькая, не прижилась, но сегодня же, в Розарий воткну!

Виталий Семёнович заспешил к выходу, пыхтя горячим паром.

– Как глупо получилось, – сокрушался начальник тюрьмы, стараясь не отставать за взбешённым инспектором.

– Мы ей в Розарии умишко-то взрастим, она своё получит. Не сомневайтесь Виталий Семёнович! – выдавал бедняга обещания и хотел, выпрямить спину, но последовал очередной спазм мышц.

– Ой!... – вырвался предательский стон.

Виталий Семёнович словно ждал момента:

– Ты... у меня сейчас попоной огребёшь, Жора!!! – взревел он, нависнув медведем над невезучим начальником.

Григорий Фёдорович отпрянул от испепеляющего взгляда. Инспектор живо подтянул брюки. Однако, все заметили полоску шёлковых трусов в сине-зелёный горошек. Фёдорович прижался к Чугунной Бабе, передав по эстафете не дружелюбный взгляд. Та приготовилась писать заявление об увольнении.

– В Розарии соки выжму. Ох... высушу сучку! – грозился он, отойдя от боли. – Там... гадину, наукам жизни обучат! Ещё как отшлифуют! – вопил в запале, не подозревая, что выдаёт пророчество не только для заключённой но, и себе тоже.

Именно полученный Розой опыт в Розарии, забросит его в перипетии судьбы, которые не приснились бы в кошмарном сне.

Вздыхая каждый на свой лад, служащие придерживались следа рассерженного Виталия Семёновича. Григорий Фёдорович, плёлся, опираясь на мощную руку Чугунной Бабы.

«Хоть бы пронесло, иначе несдобровать», – печалилась она, сокрушаясь, что вовремя не отреагировала на выходку арестантки.

Тут её осенило:

– Григорий Фёдорович, а давайте прикинемся, мол, машина здохла и всякое такое... Шоферюгу беру на себя. Упоим обоих, чтобы по утрам мамку не помнили. А? – предложила она, чуть ли не видя себя уже в длинной очереди безработных.

Высказанная мысль приспела кстати, хотя нос начальника недовольно сморщился, глаза выдавали обратное. Смотрительница ухватила настрой и добавила:

– Всё сама обтяпаю!

– Жесть!... Облажалась и меня подставила, да уж... расстарайся, – проворчал тот.

Она вздохнула и ускорила шаг.

– Куда по-пё-рла? – коснулось женского слуха болезненное кряхтение.

Но смотрительница уже намётывала план предстоящей попойки.

«Охамела стерва. Ну, гады, все попляшут, пусть только боров отчалит... всем раздам на магарыч», – негодовали начальствующие мысли.

Между тем толпа, во главе с инспектором, скрылась за поворотом...

– К медичке отволоки, пусть чем-нибудь наширяет, нету мочи терпеть. Сама – как условились, – отдал Фёдорович распоряжение и погрузился в омут предстоящих страданий: медицинский кабинет превратился в комнату пыток, мир исчез в непреодолимом страдании.

Глава 9

Для арестантки событие, как мизансцена пронеслась на одном дыхании. Она поднялась с пола, отряхнулась и отправилась досыпать. На пути попала крыса, стегнув жирным хвостом, метнулась под стол. Роза, почесав ногу, пробубнила:

– Размотались... предатели... где раньше были? Нет, чтобы выдрать господам глазищи. Заныкались трусы проклятые...

Ворчала она не со зла, скорее для заполнения давящей пустоты. Тут... на что-то наступила, нагнулась, подняла небольшой серый кусочек.

– Так это от штанов, – догадалась она и представила лицо господина при виде крупной дыры.

Роза, зажав в кулаке мягкий клочок ткани, раскатисто рассмеялась. Камера словно ожила: мрачные стены посветлели, излучая тепло. Неожданное веселье образовало голубое пространство, изгнав гнёт из углов. Смех, проникая в камни, словно согрел и просушил их. Пространство наполнилось благоуханием и уютом. Да и узница пропиталась чудной невесомостью: хотелось вальсировать, парить в вихре пьянящих ощущений.

Вскоре вновь вернулось разочарование. Смех как бы устал, покинул камеру. «Почему хорошее заканчивается, скука всегда рядом. Ненасытная сволочь? Как всё достало!» Роза швырнула находку на стол. Пытаясь хоть немного облегчить бремя, затянула мотив. Он вспомнился накануне, расшевелив ленивую память. Не задумываясь, узница орала несвязные фразы, чтобы избавиться от размышлений. Те, не на шутку, взялись подкидывать вопросы: «Если Розарий, то там – Розы. Здесь что, всех звать Розами?» – рассудила она, и, не выдержав, закричала:

– Проклятье! Проклятье!!!

Бросившись к двери, заколотила по бездушному металлу голой пяткой. Нахлынуло подзабытое неистовство: схватив со стола миску, укусила за край. Вид двух дыр и ломота в скулах охладил пыл. Боль от зубов переместилась в затылок. Роза намочила волосы под крапом. Вода зашпорила за шиворот, студя шею. Стряхнув капли, напустилась с бранью на холод.

От безысходности камера с содержимым скарбом воспринималась за агрессивно-удушливую субстанцию, дышащую громче, чем сама арестантка. Казалось, что ожившая безнадежность намеревается лишить последнего рассудка. В глазах потемнело. Ногами овладела дрожь. Подкатила тошнота и вырвало.

Стремясь избавиться от дурного настроения, Роза замахала руками, полагая таким образом изгнать прозрачного и коварного врага. Хотя его победа не страшила, ведь единственной мечтой оставалось желание не быть вообще, то есть, избавиться от постылой жизни. Но уверенность в наступлении немедленной смерти отсутствовала, вселяя опасение, ухудшить без того плачевное положение.

Роза понимала, по сути, сопротивляется беспокойству о будущем, полагая, затянувшийся кошмар когда-нибудь кончится. Ведь не зря пугают каким-то Розарием.

Усевшись на кровать, прислонилась к стене, обняв колени, уткнулась в них лбом. Теряясь в догадках, думала: «Неужели нет живого существа, желающего выручить из беды. Ведь я в беде?... В беде... Что же такого натворила? Может, мир вообще состоит из подобной жути? Откуда знать, если имени не помню?» Она в который раз пробовала представить, что находится за стенами камеры.

Как наяву, пугающими тенями, поплыли человеческие образы, хмурые, равнодушные. Внезапно возник мужчина, смеющийся в ворот пиджака. Захотелось заглянуть ему в лицо. Роза всматривалась до рези в глазах. Миражи фигур наплывали... исчезали... Устав от напряжения, плюнула на затею. Стараясь прогнать наваждения, обтёрла лицо рукавом.

– У! Шакалы, лазают, а тут подыхай, – погрозила она кулаком иллюзорным посетителям. И сообразила, что видение явило незнакомцев.

«Точно! Тут их не видела, значит, мозги... морокуют, родные! Глядишь, вспомню всё». Роза представила промелькнувшие образы, но вновь возник провал. «Ух, как всегда», – шумно выдохнула она. Взгляд коснулся брошенного на стол лоскутка.

Досада буравчиком впилась в сердце и выдала идею: «Если я впрямь бешеная? Вон вцепилась в мужика, чуть насмерть не затрясла. Если память отняли, проводя опыты? Вокруг бутафория... блеф? Меня Розой обозвали. Кстати! Камеры у них грядки с горшками. Не случайно».

Роза спрыгнула и принялась маршировать. Опасения разрастались чередой и одно уродливее другого.

Она продолжала бы пугать себя дальше, но размышления резко развернулись: «Опять страсти-мордасти. Спать буду», – успокоила себя и ощутила в желудке слабое подсасывание. «Этого не хватало!» Мысль, сосредоточенная на чувстве голода, обернулась сюрпризом: – «Вот те раз, пробуждается то, отчего пытаюсь освободиться. Проклятая жизнь отступать не желает. Подпитки требует, зараза! Но уж дудки... в мои планы такое не входит».

Она набрала в рот воды. Прислушалась, как прохлада расплзлась по дёснам. Когда та согревалась... глотала. Забава немного отвлекла. В дверном замке раздался щелчок. «Обед? Что-то рано», – поморщилась Роза, представляя вид еды. «Пожалуй, надо уяснить раз и навсегда, надо есть, или...» Настырное урчание утробы распорядилось в пользу обеда.

Тишину в коридоре нарушил негромкий разговор. Прислушалась...

За дверью медлили... «Почему обед? Может, захотели разобраться за штаны», – от возникшего подозрения бросило в жар. Нахлынула жалость к никчёмной жизни. «Приехали... вначале навалился голод, теперь подышать жаль. Никудышное дело человек, в любом дерьме за живот цепляется».

Дверь открылась. То, что предстало на пороге, повергло в изумление. На такое арестантка не рассчитывала, да и что могла изменить. Приходилось разглядывать контрастную белизну одеяния госты на фоне грязно-серой стены.

Роза размышляла, что больше выводит из равновесия – естественное любопытство или тревога с раскаянием за утреннюю нелепость. Понимая, как смешно выглядит с обвисшими плечами, вытянутой шеей и открытым от удивления ртом, всё же не отрывала взгляда от субтильной дамочки. «Допрыгалась. Расплата пожаловала. Чёрт! Неужели, я «того»? По-другому – всё сейчас и разъяснится. А блондиночка красавица», – от насады Роза сглотнула слюну.

Молодая женщина кардинально отличалась от других посетителей. Она источала цветочный запах духов, светясь белизной накрахмаленного халатика. Перекинутый через шею фонендоскоп подчёркивал статус. Маленький молоточек, поблескивающий в руке, служил последним штрихом к портрету незнакомки.

Привыкнув к облику госты, Роза откинула изначальную мысль, что видит ангела. Подавив желание заглянуть, нет ли у той крыльев, почувствовала облегчение, появилась надежда: неожиданный визит развеет секрет. Хотя, пришлось признать, перед ней живая плоть, возможно, не с ангельскими намерениями.

Фигура отделилась от двери. Взгляд Розы переместился на бежевые остроносые туфельки. Они плавно приподнимались над полом и так же – опускались, завораживая.

– Стоп! – выкрикнула осуждённая и бросилась блондинки под ноги.

От неожиданности та замерла. Воображение Розы прокрутило событие минувшей секунды.

Она представила, как беспощадная шпилька бежевой туфельки нацелилась проткнуть настоящую драгоценность: утерянный инспектором носовой платок. Сердце дрогнуло, почувствовав боль от прокола, будто бы наступили на него. Роза быстро схватила вещь, прижала к груди, причисляя к живому осиротевшему существу. Она заскочила на постель, подобно зверьку ошетижилась, оскалив зубы, решила: «Пусть дальше проводят опыты, платка не отдам!»

Врач, рискнувшая остаться наедине с заключённой, несомненно обладала мужеством. Выручило то, что вовремя заметила пристальный взгляд на своей обуви, поэтому спокойно присела в ожидании, когда узница успокоится.

Взгляд Розы потеплел. Врач улыбнулась. Роза зачем-то поджала губы, как в детстве. Осознав нелепость, рассмеялась. Врач насторожилась.

– Вы не бойтесь, я не чокнутая. Но не исключено, с вашими усилиями повышу уровень бешенства, – высказалась Роза и мысленно похвалила себя за категоричность.

– Что вы, Роза, в мои планы нанесение вреда не вписывается...

– Как же, нашли наивную!

– Зачем так резко. Потом, хотела бы извиниться. Чуть не наступила на вашу вещь. Темно.

Роза подозрительно сузила глаза: «Фокус! Расселась, лыбится, теперь извиняется!» Врач уже не казалась привлекательной. «Намалёванная кукла. Вон! Глазищи полны надменности», – нервничала Роза, не замечая смущение врача, чьи руки неловко закрутили молоточек. Тот упал.

«Давай-давай, дорогая! Пациентка попросту напугана. Сумасшествием здесь не пахнет. Решилась войти, продолжай дальше», – уговаривала себя врач, допуская, что прямодушие помогло бы наладить контакт, подняв молоточек, создалась:

– Знаете, волнуюсь. Сегодня мой первый рабочий день. Соответственно, вы первая пациентка. Ваше поведение – утром. Тронуло меня, вот, решила познакомиться.

Розе хотелось верить. А пугливый ум настаивал на противоположном суждении.

– Вы, Роза, – продолжала врач и припомнила настоящие данные осуждённой. Удивляясь совпадению инициалов, представилась:

– Татьяна Аркадьевна. Наверно догадались, кто я?

Роза расслышала, но переспросила, будто надеялась при повторе, та выболтает существенную тайну. Аркадьевна изумлённо вскинула ресницы и решила, что выразилась вслух по поводу совпадения.

Повисло молчание... Роза ждала... Врач недоумевала...

– Аа-а... Имеете в виду совпадения, – выдала Татьяна очередную туманность.

Сказанная фраза обрушилась на Розу громовым раскатом, оглушив на мгновение, может дольше, ибо сознание затерялось в понятии – совпадение. Как только Роза очнулась, смысл разговора улетучился.

– Опять провода перегорели, – пробормотала она и тяжело вздохнула.

Врач, не понимая сказанного, попросила уточнить.

– Да пошли бы! – фыркнула Роза.

– Вы на что-то жалуетесь?

– На память! – выплеснулась досада из Розы.

– Не поняла?

– Что неясного? Не помню ни черта...

– Объясните подробней. Медицина, понимаете ли, любит точность. Не спешите... соберитесь с мыслями.

Роза задумалась...

Врач отметила, что у заключённой красивые карие глаза, отливают чудным зеленоватым отливом. В их глубине, искрятся золотистые огоньки, придающее взгляду магическую привлекательность. Главное, они знакомы. Пытаясь вспомнить, где пересекалась с осуждённой. Татьяна сожалела, что время и условия оставят в них след бесцветности. Позабыв о должностной инструкции, предложила:

– Знаете, давайте построим разговор иначе, – не дожидаясь согласия, добавила: – Вы помогаете начать трудовую деятельность, я разбираюсь с вашим диагнозом. Хорошо?

Роза не сориентировалась в нагромождении слов, но терять нечего, согласилась кивком головы. Волнуясь до потливости в руках, чтобы не запачкать платка, расстелила на подушке. Резко заломило затылок. Обхватив голову руками, застонала.

– Вам плохо?

– Вроде нет. Только голова, будь неладна. Высохшая тыква с глазами и ртом, трещит живее живой.

– Похвально, что при всех сложностях дружите с юмором, – Аркадьевна посчитала, наступил момент контакта.

– Спасибо, – поблагодарила Роза, потирая шею и затылок.

– Вас мучает давление, судя по симптомам.

– Тут всё давит и терзает, включая вас. Сидите, балаболите, сами не понимаете зачем! Сколько времени здесь, ничего путного не сказали. Да ну, вас, – Роза подошла к раковине и привычно сунула голову под холодную струю.

Татьяна смутилась, обвела взглядом камеру, увидела на столе лоскуток. За дверью послышалось нервное шарканье. Роза узнала шаги Чугунной Бабы. Врач поспешно вышла. Узница безразлично опустила на каменную скамью. Вскоре Татьяна Аркадьевна возвратилась и сразу заговорила:

– Надо признать здорово всех удивили. Такому темпераменту, при скудной пище, позавидовать, и только! Впрочем, это вас спасло. Правда, начальник тюрьмы, то есть Замка Цветов, в полном неглиже: радикулит не на шутку озадачил, пока не до вас. Думаю, как поправится, переведёт вас в Розарий. Хорошо это или плохо, не могу сказать. Одно знаю, любое окружение лучше одиночества.

Роза подумала: «Хотя бы по делу надрывалась. Философ... Зачем мне знать, что делала утренняя компания?» И сгорала от нетерпения, что ждала, сама не понимала.

Врач неожиданно вернулась к дежурной фразе:

- Так на что жалуемся?
- Я вроде не плакалась...
- Как же память?

Роза насупилась.

– Ох, болтливая я... порок, с детства. Так совсем-совсем... ничего не помните, и писать не пробовали?

Аркадьевна зачем-то огляделась, осознав нелепость вопроса, добавила:

- Нуу... да... Зато с речью, смотрю, нормально. Уже радует.

Роза опустила взгляд в пол.

– Пожалуйста, взгляните на меня. Постараюсь объяснить доходчиво. Судя по симптомам, амнезия у вас. Такое состояние возникает у людей, возбуждённых физическими или умственными переутомлениями или стрессами. В большинстве случаев – исчезает бесследно после отдыха, регенерации нервных тканей. Иногда неожиданно, как и возникает...

Роза не дала ей договорить:

– Хорошо, что проходит. Только сама не знаю, нужно ли... с данным положением обывалась. Тревожит, что будет впереди с бестолковой «тыквой». Пока вспомню, загнусь от пустоты за плечами или от сумрачного тоннеля впереди. Сдвиг на ходу... но не радуйтесь, догадываюсь, со мной специально не общаются. Хотят, чтобы не догадалась об эксперименте.

– Абсурд какой-то... надо же такое сочинить! Что, например, хотите знать? – улыбнулась Татьяна, придвинув стул ближе к арестантке.

– Всё! – выпалила та.

– Прямо... таки... всё...

– Ага! Кто я, зачем здесь? Какое сегодня число? Кто меня запер? Если это не эксперимент...

– Ой-е-ей! Сколько вопросов на меня одну. Начнём по порядку. Считаете, у вас есть мужество? – начала Аркадьевна и сама ответила на вопрос с усмешкой: – Разумеется, судя по утреннему приключению.

– Что, всё смеетесь? – сконфузилась Роза.

– Извините. Видите ли, вначале нужно основательно обдумать, как затем избавиться от сомнений...

– Какие сомнения, если заперта с крысами! – Роза махнула рукой, указав на угол.

Аркадьевна увидела зверушку, спокойно жующую остатки хлеба. Её взгляд и блеск зрачка твари пересеклись. Резкий визг прогнал мохнатую. Чудом Татьяна сдержалась, не запрыгнуть на стул, только подняла высоко ноги. Роза, не сразу вникла в суть, когда сообразила, кинула подушку в опустевший угол.

– Не бойтесь, они не кусаются. Сытые твари.

Врач растеряно хлопала ресницами. Жар с лица сполз и пёк в животе. Роза отметила бледность Таниных щёк.

– Доктор, ни тех боитесь.

– Фу! На дух не выношу мерзких.... сильно заметно, что струсила? – смутилась Аркадьевна, опуская ноги.

Вместо ответа Роза улыбнулась и пожала плечами.

– У вас очаровательная улыбка. Не думайте, что говорю в признательность за тактичность, – Татьяна подметила, что улыбка тоже знакома.

– Может так... только, и её не помню.

Грусть в голосе заключённой побуждала к продолжению разговора, но испуг точно съел силы. Взяв себя в руки, Врач заговорила:

– Значит, хотите знать, какой день... это можно. Хотя... что даст число...

– Говорите, разберусь...

Татьяна медлила...

– Ну же, – не отступала Роза.

– Знаете...

– У вас «знаете» – любимое словечко? Говорила же, ничего не помню. О деле хотелось бы услышать. О деле! – последняя фраза вырвалась у Розы самопроизвольно, дав толчок энтузиазму Татьяне Аркадьевне.

– Абсолютно верно, как не догадалась раньше. Знаете, пойду. Вернусь, поговорим, – Аркадьевна решительно скрылась за дверью.

–Тик-так, тик-так. Ха-ха-ха! Тик-так. Ха-ха, – зазвучал выматывающий ритм невидимых часов, задающий настрой терпению. Роза, легла, сунула под подушку голову. И уловила приятный, сладковатый запах. «Платок!» – вспомнила она.

Найдя его, принялась играть. Сворачивала несколько раз по отутюженным складкам и держала на лице, вдыхая аромат. Разглядывала в тусклом оконном свете, пытаясь изучить каждую ниточку. Незатейливое развлечение скрасило ожидание. Роза расстелила вещицу под щёку, свернулась, как всегда калачиком. И крепко уснула, что не услышала, как отворилась дверь, и вернулась Татьяна Аркадьевна.

«Спит. Неловко получается. Разбудить надо. Вдруг потом что помешает», – рассудила врач.

Неожиданно та открыла глаза. Аркадьевна вздрогнула. Полусонный взгляд скользнул по камере. Веки вновь сомкнулись. «Наверно решила, что снюсь», – Татьяна дотронулась до женского плеча. Роза тут же вытаращила глаза, оставаясь между сном и явью, потом вскочила, виновато опустив голову. «Пришла! Пришла!» – пробилась радость, пульсируя в каждой клетке тела.

– Знаете... – произнесла Аркадьевна, вмиг взвинтив нервы заключённой.

«Опять, двадцать пять!» – вспыхнула Роза, и сна как не бывало. Шумно выдохнув, разочарованно сгорбилась. Врач улыбнулась, разгадав, настрой узницы.

– Вы присаживайтесь, – предложила она и услышала сопение, – ух, тяжки грехи привычек! Даю слово, исправлюсь.

Розу сжигало нетерпение, извинения бесили. Она с трудом сдерживалась, стиснув зубы.

– Садитесь! – одёрнул приказ.

– Уж сию. А нам стоять положено.

– Как знаете. Известия принесла горькие. Боюсь, зря затеяли расспросы. Иногда неосведомленность слаще правды, – Татьяна присела на скамью.

Розе казалось секунда и кровь закипит. Чувствовала, та, уже подступала к ушам, закладывая их. От страха упустить хоть слово рождалось подозрение, что врач мешкает специально: играет с ней в кошки мышки.

– Говорите! – сорвалась она.

– Если настаиваете... Ваше дело прочла. Надо сказать, увесистое, – Аркадьевна потрясла в воздухе ладонью, изображая тяжесть документа.

– Как понять?

– Сложно объяснить... один приговор на нескольких листах, – Татьяна говорила, стараясь не смотреть в глаза, чтобы не видеть Розиной боли, – значит, в этой тюрьме находитесь несколько месяцев...

– Ещё где-то гнила?

– Не перебивайте, пожалуйста, я тоже волнуюсь.

– Долго мне тут торчать?

Татьяна решила, что невнятно изъясняется и задумалась, как точнее построить беседу...

– Хорошо, я нема как рыба, – Роза зажала ладонью рот, перепугавшись, что Аркадьевна обиделась. «Сейчас, сейчас уйдёт!» – затмевался рассудок тревогой.

– К сожалению, долго. Вы, осуждены по всей строгости закона, – грянуло запоздалое пояснение.

– Ба-а... – выдохнула Роза, чувствуя опустошение.

– В деле написано, что убили женщину, по-видимому, соперницу. Несколько мужчин – клиентов, и абракадабра об автомобильной катастрофе. Замешаны наркотики. Одним словом, весь комплект. Понимаете, о чём я? Конечно, это печально...

Татьяна говорила и говорила...

У Розы онемело лицо. Руки повисли плетями. Спина ссутулилась под тяжестью известий. Голос врача звучал испорченной грампластинкой, утрамбовывая сознание понятием: «Убийца!!! Убийца!!!» Она следила пустым взглядом, как врач взволнованно размахивала руками, и не слышала её, будто, та беззвучно шевелила губами.

– Сколько мне лет? – выпалила неожиданно Роза даже для себя.

Недоумеая, Татьяна посмотрела на неё и прочувствовала нечеловеческую усталость, словно в тело вселилось изнеможение всего мира.

– Тридцать два-а-а... – протянула Аркадьевна, понимая, что до этого выплёскивала силы в пустоту.

– Здорово... шлюха, наркоманка, маньячка и вечная жизнь в крысятнике. И всего – тридцать... – проговорила Роза как во сне, и одним рывком бросилась к стене.

Ударил несколько раз в неё кулаками, упала, захлебываясь в рыдании. Когда сорвалась с места, смахнула с подушки платок.

Белоснежный кусочек воспринялся Татьяной сродни узнице: он выглядел таким же печальным, беззащитным, никому не нужным. Лёгкий шёлк, следуя за потоком взбудораженного воздуха, спланировал невесомой бабочкой, приземлившись смятой горочкой. Расправляя края дивно нежных и трепетных крылышек, расстелился, точно умер. Оставаясь лежать светлым пятном на грязном полу в обиде на людей: они не оценили чистоты и предали.

Врач подняла вещицу, отряхнула, положила на стол и поглядела на плачущую женщину. Хотелось утешить несчастную, но, сделав несколько шагов, передумала, чувствуя, как у самой наворачиваются слёзы, вышла.

...Узница перебралась на скамью. Свинцовая тяжесть и пустота в голове не удивляли, не страшили. Когда-то она думала, если что-то узнает о себе, обстоятельства непременно изме-

нятся. Сейчас же вакуум, нахлынувший волной, поглотил даже надоевшую тоску. Благодатный сон накрыл покоем, поглотив остатки сознания.

* * *

На пути к кабинету Татьяна Аркадьевна промокнула кончиком носового платка влагу с глаз. И попробовала вспомнить, где встречала знакомый взгляд и улыбку. Но отбросила затею, находя, нагрузки для нервов достаточно. Попыталась расшифровать, недоступный пониманию, проводимый в Замке Цветов эксперимент. Удивляла аллегория в названиях. Кто придумал тюрьму окрестить «Замком Цветов» и дать заключённым клички из области флористики? Почему камеры – грядки и горшки. А суровый режим содержание женщин за пределом общепринятых рамок. Таня пыталась найти логическое объяснение, соглашаясь, выводы делать рано. Ей хотелось примирить чувство отторжения самой тюрьмы с необходимостью в ней работать: «Где найду работу, чтобы хоть как-то платили, учитывая бардак в стране». Остановилась она на здравомыслии: «В конце концов, здесь бардака ни больше чем бессмыслицы в нормальном быту. Жизнь, вообще, полна абсурда».

* * *

...По тому, как крысы довольно потирали мордочки, Роза поняла, с обедом её опередили. Это не беспокоило, как и то, что находилось за пыльным стеклом: разыгрывалось ли начало дня или мир отходил ко сну. Безмятежность нравилась и тут же, Роза считала, что слишком тихо, отсюда скучно.

– Эгоисты, схрумкали всё подчистую, корочку бы оставили, – завела она разговор сама на сам.

Две разжиревшие крысы, переваливаясь с боку на бок, поплелись к норе. Чувствуя наличие жизни, Роза сказала:

– То-то же...совсем обнаглели, хозяевами заделались. Впрочем, пардон! Согласна...меня к вам подсадили, – она раскланялась пустому углу, – буду признательна, если поведаете, куда делась предшественница? Не поужинали ею, господа квартиродатели? – печальная шутка вынудила работать мышление.

«В самом деле, и меня вынесут когда-нибудь куда-нибудь, подружки останутся. Сколько же лет крысы живут? Да, какая разница! Одно хорошо... Я не подопытная обезьяна».

В сознании мелькнул вид здорового животного. Розе не снилось снов, кроме того... с медалью Чугунной Бабы. Возникновение образа подтолкнуло к воспоминаниям, а ажитация огорчила. Она как будто зазывала из стен вязкую, пугающую суть безысходности.

Роза понимала, что не в состоянии уничтожить навязчивую жуть. Новая истерика не радовала. Хотелось мизер обрывочного воспоминания. Иначе мысли с чувствами, очнувшись от спячки, сгорят в сомнениях. Остановившись у раковины, припомнила слова врача и подумала: «Неужели всё, что услышала, правда?»

– Хотя, какой ей прок лгать. Если всё-таки я не обезьяна...

Она пустилась в размышление: «Ну вот, всё по кругу. Эх! человек, человек... сумасбродная гнусность, секрет сам для себя. Взять меня. Сначала жаждала узнать забытое. Теперь надо убедиться в содеянном. Поняв, что припёрта, примусь сожалеть о проявленной настырности. В результате захочу избавиться от воспоминаний. Права докторша, спросив, готова я бороться с сомнениями».

Волна отвращения к себе отозвалась назойливой тошнотой.

– Так и есть! – смирившись с мыслями, посчитала, что к поступкам должно прилагаться объяснение.

«Наверно люди, убитые мною, страдают, мучаются, видя меня живой. Хотя... как знать. В следующий раз спрошу об этом врача. Тем не менее, пройдёт эта амнезия или нет?»

Размышляя, уже сидя на стуле, болтала ногами, затем шурилась на окно, и что-то сосредоточенно разглядывала на полу. Гревала, какие у неё большие ногти, переживая, доведётся ли их стричь. Удивлялась, почему думается о покойниках, как о живых. Заподозрила, что наверно была набожной и рассмеялась: «Хороша верующая, отправляющая на тот свет людей пачками, зарабатывающая старинным бабьим промыслом. Наркотики... наверно плохо? Вот и хорошо, что не помню. Меньше хлопот».

– Посему, определено, бешеная. Точно! Врач скрыла правду, не хотела добивать. Может говорила... вечно ничего не слышу. Ещё одно свидетельство... их клиент! Жаль, нет зеркала. Что могу – увидеть? Немытую уродиху с мочалкой на тупой башке. Во-во! Скорченную физиономию. Остаётся исполнить последнее, для убеждённости в диагнозе. Фотографию бы! Потом зеркало... и хана мозгам!

Разговор с собой любимой прервался шорохом за дверью. Вскоре всё стихло. Роза облегчённо вздохнула и согласилась с идеей о сне: «Посплю, глядишь, что изменится. Все лучше, чем последние мозги самой себе выносить».

...Мрачное свежее испечённое утро ничего не изменило, как и день, неделя, месяц. Дошло до того, что полюбила обжитую тесноту и стужу стен. Она срослась с сопредельностью. Врач навещала часто, подсовывала витамины, потчевала домашней едой. Роза отказывалась, говоря, что нет дома – нет той еды.

Однажды Татьяна принесла журнал с яркими картинками и красивыми лицами. Читать не позволяло освещение. Вначале Роза сомневалась, что умеет это делать. Но вспомнила, когда-то прочла надпись – Роза. Поэтому просто разглядывала страницы, мысленно перемещаясь в утраченный мир. После найдённого платка журнал служил новой забавой.

...Всё же опасность не заставила себя ждать. Однажды врач прибежала с предупреждением о выздоровлении начальника:

– Он грозит пересадить тебя в Розарий, – выпалила она с порога.

Факт перемен не встревожил, беспокоило другое: там люди, они любопытны. Что им сказать? Чем защитить себя? Предстоящие события возбуждали. Роза нервничала.

Глава 10

У Создателя на Мир своё мнение, как по-другому: Он – вершитель! Людей никто ни о чём не спрашивал и не спросит. Их дело жить в согласии с тем, что предложат Правители Миров. Так как Колесо Жизни на стержне эволюции, с законом Мироздания, запущены не по воле людской: движение и только движение, в нём и кроется мудрая задумка, воспитывающая в одухотворённой твари умение приспосабливаться к любой ситуации.

Вот и в Замок Цветов явилась перемена: за стенами мрачной обители вступила в свои права весна. Воздух наполнился запахом сырой земли, и ожиданием чего-то возвышенного. Атмосферу распирала живительная энергия, пробил час обновления жизни. Листва, проклёвываясь, отбрасывала скорлупки почек, как отслужившие пелёнки. Зелёноволосая трава вытягивалась под галдеж птиц. Пение птах будоражило небо, заставляя ликовать лучами солнца. Разнеженные теплом люди скидывали надоевшую тяжесть зимней одежды, обращаясь мечтами к летнему зною.

Многое трансформировала весна магическим превращением, в том числе и настрой начальника Замка Цветов Григория Фёдоровича. Исхудавший от болезни, он вёл войну с надоевшими очками, частенько подталкивая пальцем к переносице. Перебирая пыльную картотеку, поглядывал в окно, жмурясь на ослепительно-синее небо. Воодушевляло оживлённое щебетание птиц. Он вторил им, присвистывая. Под руку попала папка с личным делом нужной осуждённой.

– Так-так... Тебя и не хватало! Ро-зо-чка – ми-мо-зо-чка. Мда-а... – протянул Фёдорович, вдохнув полной грудью флюиды весны, – ох... бабы... сколько времени в аду, а живёхонька! Мм-м... – прокряхтел он и потёр поясницу, – пропишу, заразе, путёвочку за мои страдания. Засиделась, цветик аленький, пора горшочек на грядочку сменить.

Начальник отложил документ, возвёл очи к потолку, словно прочтя там наставление, торопливо перебрал лежавшие на столе бумаги. От одной в глазах сверкнул бесовской огонек: – И местечко в десятку шлёпнуло. Завя-я-нешь, как миленькая завянешь!

Он украсил обложку отрывистыми строчками, поставив жирную точку. Ублажив себя мстостью, довольно потёр ладони.

Забавно, но данный момент, действительно, явится значимой точкой в судьбоносных событиях.

Пока мужское настроение поднялось до уровня милосердия. Он взял чистый лист, набросал несколько фамилий, приписав пометку в верхнем левом углу: «В приказ». Закончив со списком вознаграждения к майским праздникам, вспомнил что-то, нахмурившись, вычеркнул одну из фамилий.

– Эта, лярва, своё отполучала, блямбу золотую погрызёт! – проворчал он и вновь потрогал поясницу.

Энергично шмыгнув носом, поправил, таким образом, очки. Григорий Фёдорович взъерошил волнистый чуб, нахлобучив фуражку, решительно покинул кабинет.

– Бумаги на столе – к исполнению. Сегодня же! – приказал секретарю в приёмной и отправился во внутренний дворик понежиться под солнышком.

Секретарь вытянулся в струнку, выждав, когда начальник скроется за дверью, скорчил недовольную мину.

* * *

Через час Роза шагала по коридору тюрьмы. Она пыталась разглядеть как можно больше, но с трудом что улавливала: окружение ускользало...

Роза чувствовала, как сама растворяется в пространстве. Ощущения сплелись в один дёргающий нерв, наполненный впечатлением от долгожданного выхода из камеры. От непривычных запахов, звуков новой атмосферы кружилась голова. Казалось, всё возбуждало и затормаживало: коридор выглядел бесконечным, широкая лестница хрупкой, от того, что дрожали ноги. Помещение склада, где получила необходимые вещи, пугало высотой.

...Находясь на пороге Розария, как на черте новой жизни, застыла в нерешительности. Пристальные взгляды незнакомых женщин вдавливали в пол. Ноги налились свинцом. Башмаки, одетые на ходу в коридоре, наполнились влагой. Роза ощущала, как волнение жгло пятки. Жар, расходясь по венам к позвоночнику, достиг затылка. Перед глазами плыл бесцветный дым, застилая взор.

Как нельзя кстати, раздался голос смотрительницы:

– Дергай! – услышала Роза и получила в спину толчок дубинкой.

Споткнувшись о порог, ввалилась в камеру. Остановившись на середине комнаты, принялась мять потными руками свёрток с постелью.

Скрип двери словно отдал приказ: женщины разбрелись по камере. Одна из них села за стол, отполированный прикосновениями. Другие – устроились на кровати рядом.

Ожидание томило...

Жар стих, оставив на спине струйки пота. Кофта неприятно липла, хотелось её одёрнуть. Роза терпела, осматриваясь боковым зрением, но мало что видела...

Тревога с тишиной как сговорились, давили на глаза и уши. Гнетущее безмолвие испытывало на прочность. С одной стороны, Роза мечтала, чтобы сокамерницы оставались немymi, с другой, если будут молчать, она не выдержит и закричит.

Откуда-то возник панический страх, слышалось повторение вопроса: «Кто ты, ты кто, ты...». Он звучал в сопровождении издевательского смеха, подталкивая к желанию немедленно умереть. Вопреки всему пробудилось любопытство: «Интересно, за кого они меня принимают? Впрочем, пусть что хотят, то и думают. Наверно, всё же надо заговорить», – определилась Роза с действием и произнесла осипшим от тревоги голосом:

– Здравствуйте, я... Роза.

Оглушил дружный смех...

– Ха, умила! С какой помойки цветочек выдрали? – отозвалась одна из вероятных соседок.

Роза опустила голову и поняла, что напрочь забыла о своей внешности. Обуял подлинный стыд. Утратив над собой контроль, кинулась к двери и заколотила тупым носком башмака.

Она просила увести от света, давящего на глаза, воздуха, кружащего голову, и злой чистоты камеры вместе с обитательницами.

«Лучше туда, к мохнатым подружкам!» – требовал инстинкт самосохранения. Роза не знала, что никто не собирался ей вредить, а говорившая – просто досужая баба. А каждая из сокамерниц вспомнила себя, как когда-то мялась в нерешительности у двери, с желанием вернуться обратно.

Ситуацию разрешила пожилая женщина, взяв Розу за руку.

– Уймись, никто худого ни мыслил. Что ржали? Так и мы Розы! Аль, вывеску упустила, заходя сюды? Ладныть, проходи, – предложила та.

Роза упёрлась.

– Фу смердит! Не... как не верти, в горшке мойка точно не в жилу. А набычилась-то! – влезла первая неприятная особа.

Она вытянула худую шею и почесала. Роза подметила своеобразную костлявость пальцев. Обладательница тощих рук, уловив на себе внимание, подалась вперед, откидывая назад плечи, выпячивая почти присохший к спине живот. Розе показалось, что сквозь майку разглядела ребра нахалки. Виляя плоским задом, та предложила:

– Можа побратаемся? – чудачка сильно оттянула полосатые лямки на своей майке и резко их отпустила.

– Как, это?...

– Ба... да ты фонарь, как есть, дурилка плюшевая! – прогнусавила худющая, раскачиваясь на жердочках ног, показывая в ухмылке гнилушки зубов.

«Пьяная, что ли...» – промелькнула у Розы крамольная мысль.

– Э... Чюнька, сюда зырь! – потребовала нахалка, ткнув пальцем себе в грудь.

Она взялась изъясняться малопонятной лексикой, говоря, что они не какие-то там коблыхи и кичу отсвечивают в законе. Что касаето её, сама забыла, в которой ходке. Посему, Розе не придётся тереться на шконке в кайф. Ещё худышка часто повторяла: – «Просекла, бляда?» – хлопала Розу по плечу, подмигивая женщинам.

Роза смотрела сверху вниз, так как чудачка была маленького росточка, и беспокоилась, не забыла ли, кроме событий, что из речи? Худышка, видя замешательство, наглегла. Неся тарабарщину, требовала что-то от неё, при этом шаталась, выкручивала пальцами забавные фигуры. В неосторожном движении налетела на Розу. Приподнявшись на цыпочки, уткнулась пупком ей в лобок и бесстыдно потёрлась.

Румянец смущения окрасил щёки. Руки сами легли на женские плечи. Роза намеревалась отшвырнуть назойливую бабу, и вовремя передумала, лишь стиснула сухие ключицы.

– Усекли?! Вонючка батон дробит вздумала, чуть не замочила меня! – завизжала та, изображая страдание.

Молчаливое согласие публики ввело хамку в кураж. Она подалась назад, косясь на Розу почти взглядом прокурора, неожиданно загорланила:

– На арапа!!! Меня?! – не окончив загадочной фразы, ударила себя указательным пальцем по белёсому пушку на своей голове.

Пронзительный звук озадачил саму ораторшу. Она уставилась на костяшку, служившую пальцем. Не найдя ничего особенного, согнула крючком, почесала затылок и место удара, проделав движения с комичным выражением лица.

– Будя паясничать! – сказала пожилая женщина и отогнала комедиантку, затем обратилась к Розе:

– Пошли, душа страдалица, коль не отмороженная. Пожитки дай сюды.

Приглашение прозвучало дружелюбно, но настораживало.

– Давай-давай, – повторила женщина.

Ничего не оставалось, Роза протянула узелок.

– Ты не чурайся. Она с душком, но гарная, – женщина имела в виду худышку, – цыкнешь – вовсе завянет. Что набуровила – плюнь и разотри! Добро пожаловать на территорию надежды, – успокаивала она Розу, принимая её взбудораженный вид за испуг.

– Надежда... она есть? – прошептала от волнения Роза.

– Э... милка-ааа! Тюрьма, конечно, ненадёжный спонсор мечтам. Я и не о ней. Я о тебе! Территория надежды – мы сами. Она родимая тут... в наших мозгах!

Разговор вновь перебила худышка, навязывая мнение, чтобы женщина думала, прежде чем настраивать новенькую, якобы, против присутствующих. Худышка и пожилая женщина сцепились в ругани. Наблюдая за ними, Роза вспомнила предупреждение врача, что в Розарии жизнь не мёд.

Арестантка, сидевшая за столом, поскребла пальцем по крышке. Роза обернулась... Их взгляды пересеклись. «Чудо!» – залюбовалась она необычным цветом глаз, даже оробела. Подумав, что такое, наверно, видела впервые. Показалось, будто светло-сиреневые глаза улыбнулись. «Да, она главная здесь! Как же мир несправедлив: с такой-то красотой укрощать местных дур», – подумала Роза.

И склонила голову, пытаясь выразить уважение. Женщина сделала то же самое. Роза ощутила невероятно притягательную силу.

– Ну-у... если та-ак, – скривила недовольно губы худышка, сопя тонкими ноздрями, как из бумаги.

Пожилая женщина вытерла вспотевший лоб и посоветовала Розе забыть обиды, шутя, что они цветки одного палисадника. Роза мысленно поблагодарила того, кто придумал удачное цветочное шоу: не надо называть настоящего имени, о котором не спросила врача, но заинтересовалась, как они обращаются друг к другу.

– Ну, дык... в нашей грядке свои тараканы, – не вытерпела худышка, влезла с разъяснением, совпавшим в такт Розиным мыслям. Ёкнуло сердце и обожгла досада: «Не рано ли обрадовалась?»

– Короче, сюда зырь! Она... так-то Жёлтая Роза, – худышка указала пальцем на женщину, сидящую за столом, – а по-нашему...

– Я-я-я! Моя очередь! – неожиданно подскочила огненно-рыжая пышечка.

Она ловко оттолкнула бедром худышку.

– Чё, разлягалась, – фыркнула та, потирая ушибленную ногу.

– Меня, меня слушай! – засуетилась рыженькая, поворачивая Розу за плечи к себе.

– Старушенция, что с тобой базарила, Красная Роза, – кивнула она в сторону пожилой женщины, – видишь, морда в масть. Так климактеричка же! Она и есть Климактеричка. Поехали дальше, – продолжала пышечка, обернувшись к статной женщине:

– Правда, гром-баба? Выше в свете не сыскать, под два метра с гаком жмёт. Видно чёрные все жерди...

«Ой!», – не сдержалась Роза, увидев сильно смуглую девушку в белом платке.

– Что не так? – спросила рыженькая.

Роза смутилась...

– Она хоть вымахала за семерых а чайник, – протараторила толстушка.

Роза удивленно вскинула брови, не в силах отвести от тёмнокожей взгляда.

– Не бзди! На неё все пялятся. Отсюда и прописана в диковинках. То есть – Чёрная Роза. Но лучше – Чайная...

– Почему, – спросила Роза.

– Почему-почему... погоняло у неё Чайник. Нерга... есть негра! – усмехнулась толстушка. – Чё чёрная? Так мать ейная в курсах. Только в добавок она тупая, с лысиной блестящей, как чайник. Её-то под платком и ныкает. Ясно?

– Ааа... кажется, догадалась о принципе имен, – осмелилась сгладить ситуацию Роза, уловив недовольство Чайной Розы.

– Можно, дальше сама угадаю?

– Валяй! Догадиха... – скривилась в ухмылке бесцеремонная худышка.

Роза обернулась к ней и сказала:

– Вы... Белая Роза.

– Хи-хи-хи!!! – изобразила та веселье.

– Скорей, Поганка! Толстуха и сука, каких свет не видал! – возразила рыженькая.

Роза улыбнулась.

– О себе базарь, кобыла неогульная! – взорвалась Поганка.

Рыженькая ловко прикрыла той рот ладонью.

– Я Кремовая Роза. Меня звать так, и не иначе! – приказала она и вскрикнула от укуса.

– Рыжуха она! И крякнет с этой кликухой... Кремовая Роза... скажи ещё Кремлевская...

Тыфу! – плюнула Поганка, наградив презрением сокамерницу.

– Ну и злая, вы, – не сдержалась Роза, тут же пожалев о горячности.

Та прочла целую лекцию по поводу своего душевного состояния, окончив фразой:

– Так что... ша!

– Хорошо, – согласилась Роза, не понимая с чем, лишь бы та успокоилась.

– Что ж, если официальная часть достигла кульминации, дебаты больше не предвидятся, приветственный митинг объявляю закрытым. Займитесь делом. Время не с нами, – подала голос женщина, сидящая за столом.

«Она – Золотка. Как по-другому... люди с необычным цветом глаз равны чистому золоту», – подумала Роза.

– Я-я-я! Можно, Золотка? – подтвердила догадку Рыжуха.

Золотка остановила взгляд на Чайнике. Та живо полезла под кровать. Розу обдала волна беспокойства. «Всё-таки они странные, разговаривают чудно. Отношения между ними противоречивые: агрессивные и заботливые. Сдаётся, лживые насквозь, особенно лилипутка, не зря кучей кличек наградили. Толстуха... надо же такое придумать при жуткой худобе. Поганка... тоже в лад!» – мысли отвлекали от смутного предчувствия, всё же Роза с опаской косилась, на здоровый алюминиевый таз в руках Чайной Розы.

– Пошли, кимальку передам, – вовремя подросла Климатеричка.

Кималкой оказалась кровать на втором ярусе у стены, с пружинной сеткой, уже с аккуратно застеленной постелью.

– Меня как будете звать? – ляпнула внезапно Роза.

– Тебя-я?... Ты у нас шестая... значит и будешь Шестицветка. Красиво вроде? – осенило Климатеричку.

Гордая инициативой, посмотрела на Золотку. Та едва заметно кивнула. Согласились и остальные, кроме Поганки.

– Фу! Замудрила, пока выговоришь, язык свернёшь. Мыслить надо проще: шестая она и всё тут! Потом – базар приписной, что... по боку? – потребовала она, подскочив к Розе, будто ужаленная пчелой.

– Пошто так безлико? – не согласилась Климактеричка.

– Не надо спорить. Я шестая у вас. Вот и буду Шестой, – вступила в разговор Роза, – разве имя что меняет?

– Как знаешь, но уступчивость до добра не доведёт, – заметила Климактеричка.

Роза, вникла в смысл сказанного и с удовольствием исчезла бы в глубине земли. Поглощённая шоковым состоянием, не ощущая себя, прислонилась к кровати, закусив больно нижнюю губу. «Случилось! Случилось!» – грохотали в страхе мысли. «Что угодно, только не больная!» – взмолилась она. «Если примут за чокнутую, Поганка меня изведёт».

Воображаемый смех той, о ком думала, сверлил уши. Роза обхватила голову руками. Поганка, по настоящему, зашлась в хохоте.

– Стухни, зараза, белобрысая, – осадил её Климактеричка.

– Между прочим, я натуральная блондинка! – огрызнулась Поганка.

– Вот именно, что блондинка, – усмехнулась Климактеричка.

– Ты, это брось! – завизжала та.

Но внимание сокамерницы переключилось на Розу.

Она любовалась подушкой в белой наволочке. Захотелось её потрогать и даже понюхать. Роза взглянула на руки и раковину. Там красовались вымытые до блеска миски. Из них торчали ложки с обломанными ручками. Взгляд переметнулся на полотенца, висевшие, каждое на своём крючке. «Чем же мне вытираться?» – встревожилась Роза, и в области желудка защекотало от желания иметь чистое полотенце.

«Эх! Если бы баня!» Обожгла внезапная думка, и навеяло ощущение горячего пара, насыщенного запахом берёзового веника. Он пьянил... казалась, что кожа пропиталась благодатным влажным жаром, покрылась прозрачными каплями. Ещё мгновение, и потекли бы ручьи пота, источаемые в банном раю.

– О чём заморочились? – вырвал из приятного наваждения голос Климактерички.

– Что? – переспросила Роза.

– Гуторю кимальяк твоя удачливая.

– Чирик-чирик! У лохушки ушки на макушке... – не заставила себя ждать Поганка.

«Похоже, без язвы ничего не обходится», – разозлило Розу присутствие вездесущей соседки.

– Почему сами не ляжете? – спросила она с налётом раздражения.

– Я-то вареники раскатала, тут хилую подсадили. Почему-почему... – покрутила пальцем у своего виска Толстуха.

– Что вы имеете в виду?

– Да в ящик на ней играют чаще, чем на нужник падаю. Про нас архангелы не прокукарекали, – брызнула слюной Толстуха в кривом оскале.

Климактеричка залилась краской, что сконфузило Розу.

– Ну, залётная, бывай! Скорёхонько же твоё житьё-бытьё, – самодовольная Поганка впиалась в зрачки Розы злующим взглядом, от которого, кто и умер бы, но... не Роза.

«Разве мыслимо испытывать страх после пережитого, может Поганка не сидела в одиночке, и храбрится? – удивлялась Роза упрямству сокамерницы, не отводя взгляда.

Противостояние длилось недолго. Толстуха моргнула правым глазом, словно подмигнула. Молча похлопав по кровати, удалилась, скривив загадочно губы-ниточки.

«Почему хорошие люди немногословны, занозы безудержно трещат? Затаилась... надолго ли. Впрочем, пошла она! Мне бы умыться. У кого полотенце спросить?» – вернулась Роза к прежнему желанию. Климактеричка подала полотенце. «Они что, мысли читают?!» Всколыхнулось беспокойство от небеспочвенного подозрения: припомнились другие совпадения, всё же Роза отогнала сомнения и открутила кран. Привыкшая к ледяной воде, решительно намочила руки.

– Э нет... так дело не пойдёт. Чайник, торопись! – прозвучал голос Золотки.

Вода из рук выплеснулась. Сердце забило в недобром предчувствии. «Зачем подошла сюда? Лучше бы в окно посмотрела», – Роза осознала, что обратила на него внимание только теперь. Захотелось немедленно потрогать стекло. Желание оказалось настолько велико, что запершило в горле.

– Сдай! – послышался позади бас.

Роза вздрогнула, обернулась и увидела Чайную Розу. Та держала огромный чайник, начищенный до блеска. Роза перевела взгляд на таз, стоявший на полу, догадываясь, почему щемило сердце, вцепилась в раковину.

– Брось и скинь тряпки. Или я... – пробасила Чайник.

– Сама, – пролепетала Роза одеревенелыми губами.

И сняла кофту, штаны, зажмурилась и шагнула в таз. Ноги, свыкшиеся с камнем, не чувствовали прохлады металла. Тело покрылось гусиной кожей, оцетинившись мелкими волосками.

– Пригнись и опустись ниже. Расслабься, говорю! – слышала Роза как сквозь вату, сгорая от стыда за наготу и за то, что её собираются мыть, всё же присела, ожидая неприятных ощущений от холодной воды.

Из чайника упали первые капли, ударившись о тело, расплескались. Дух замер на вдохе. Роза стиснула губы, прижимая к груди руки.

– Хорошо, что не трясешься псиной, – заметила Чайник, не переставая лить хрустальную струйку.

Через мгновение восприятия резко поменялись. Холод исчез. Вода обдавала приятным теплом, делаясь горячей и горячей. Захлестнул восторг. Роза не открывала глаз, боясь, улетучится сладость момента. Чтобы продлить удовольствие, представила, как сидит в жаркой ванне, тихо напевая под ласкающее журчание воды. Отдаваясь наслаждению, подумала: «За такое блаженство могу даже расцеловать надоедливую Поганку».

Расслабленные мышцы вздрагивали от касания мочалки. Роза не ведала, чьи руки дарили нежную заботу. Отключившись от внешней среды, чувствуя облегчение, ощущала скачивание накопившейся грязи, оседающей на дне мутью. Хотелось больше-больше воды, тереть-тереть кожу, пока тело не задышит свежестью.

Роза желала избавиться от грязи, засевшей не только в порах, но и в блеске глаз, чтобы видеть мир в добром свете. И помогала воде, шепча: «Прочь, прочь чёрное, больное, чужое и худое». От всей души, надеялась осилить удушливую тяжесть дней, проведённых в одиночной камере.

Воздух в её воображении пропитался голубизной, светом, весельем. Запах хозяйственного мыла обернулся ароматом неведомых трав. Благоухая, звал на просторы бескрайних цветущих полей.

Рассудок птицей понёсся туда, к лучам приветливого солнца, к дарящей надежду радуге, от только что прошедшего слепого дождика. Роза даже почувствовала, будто последние капельки ударились о лицо. «Как здорово мечтать! Хотя тут осталось раздолье. Хвала мозгам за то, что на это способны. А может люди вовсе мечтают не ими?» – подкинуло сознание подлое колебание.

Неподражаемый визг Поганки, окончательно, разогнал удовольствие. Глаза открывать не хотелось, а пришлось.

Толстуха вытирала руки. «Она меня мыла...» – Роза ощутила, как удивление отпечаталось на лице, хорошо, что сокамерница увлеклась перешептыванием с Рыжухой. Чайник собирала с пола воду. Роза взяла у Климактерички полотенце и обернулась. Чайник подхватила таз, понесла к унитазу.

– Ой! Набрызгала много, – стушевалась Роза, вознамерившись вытереть лужи, потянулась за тряпкой.

– Совсем ошалела, – буркнула Чайник и оттолкнула её.

Роза растерялась, прижимая к себе мокрое полотенце.

– Накинь, и под одеяло, озябнешь, – выручила Климактеричка, подавая майку и трусы.

– Спасибо. Вы мой спаситель, – согласилась Роза.

Быстро одевшись, не без удовольствия юркнула в постель. За наслаждением, забыла про Поганку: получалось, худенькая женщина попала в некую мерку между приятным и досадным восприятием. Роза водила руками по одежде, не веря, что отсутствует привычная липкость, вызывающая скверное настроение. Она упивалась бы сладкой невесомостью и дальше, но негу разогнал стук зубов: ощущение сквозняка пронизывало насквозь.

– Ба! Стукачок подвалил, – голос Поганки усилил зябкость.

Роза натянула до подбородка одеяло, дыша шерстяным духом. «Хоть не плесенью воняет, и ладно», – радовалась она, надеясь оценить и тепло.

Удерживать дрожь не получалось.

Поганка нагло хихикала.

– Что смешного? Помогли бы, – вмешалась Золотка.

– Я-я-я! – закричала Рыжуха, поднимая высоко руку нетерпеливой первоклашкой.

– Давай, если завелась, – улыбнулась Золотка.

Рыжуха, усердно пытая, взгромоздилась на нижнюю перекладину кровати, просунула руки между перил и положила Розе на голову.

– Вылезай из берлоги! – Рыжуха потянула за волосы.

Роза поморщившись, приподнялась на подушке.

– Кочупатки вытяни, да котелком не крути, мечтай об Африке, – велела спасительница.

– Об Африке, ну загнула! Сама-то таковую зырила? – усмехнулась Поганка.

Глава 11

Зубы постукивали, а шея и плечи уже пропитывались теплом. Оно явно исходило от рук Рыжухи. Горячие пальцы перебирали мокрые волосы. Роза попыталась узнать, как это у той получается. Изловчившись, увидела огненно-рыжую шевелюру и залюбовалась.

Причёска Рыжухи состояла из туго заплетённой косы, уложенной венцом. Отдельные волоски торчали подобно начищенной медной проволоке, поблескивая очаровательным ореолом. Имей Кремовая Роза более мелкие черты лица, сошла бы за красавицу. Но Силы Рождения поскупились на красоту, одарив помимо крупных веснушек широким носом, лишив тем самым обаяния, вживив в смолянисто-чёрные навывкат глаза едко-пронизывающий блеск озлобленности. Пухлые алые губы, будто всегда покрашенные, кривились в ухмылке, показывая удивительной белизны зубы.

«Интересно, она маскируется под злоку или впрямь ненавидит мир?» Терялась в догадках Роза. Если бы пригляделась, то заметила, что плечи Рыжухи испуганно вздрагивали, а руки вечно что-то нервно теребили.

Нет на свете существ, обделённых полностью. Создатель обязательно чем-то утешит.

Вот и Кремовая Роза владела завидной силой и ловкостью. В свои тридцать шесть дала бы фору любому мужчине, рискнувшему вступить в поединок. К тому же Рыжуха искренне верила: удача всегда рядом, пока человек топчет землю.

Вскоре сладкая нега целиком завладела телом и разумом, навевая на Розу сон.

«Спать... спать... спать», – будто кто нашёптывал, она не удержалась и задремала.

Погрузившись в волшебную дрёму, чувствовала в шевелении волос игру южного ветерка. Слух ублажало мерное тиканье настенных часов. Она облачена в шёлковую, оранжевую рубашку. И будто – дома, в полдень, лежит на диване у открытого окна. Повсюду дурманящий аромат сирени. Главное, некуда спешить. Ничто не волнует. Она счастлива...

Кто-то из женщин громко чихнул. Глаза распахнулись сами, спугнув навеянное сновидение, беспощадно обнажив унылую реальность. Незамедлительно возникло старое любопытство. Роза потрогала волосы. Рыжуха легонько стукнула по пальцам.

– Заёрзала. Значит – баста. То перекалишься, – сказала она, набрав полные горсти волос, рассыпала по подушке.

Наблюдая за каштановым переливом, тяжело вздохнула и опустилась на пол. Роза поспешила осмотреться, питая надежду на разгадку волшебного тепла. Откровенный взгляд пришёлся той не по вкусу: тёмные зрачки блеснули, будто фыркнули. Роза спросила:

– Как вам удалось высушить волосы?

– Кверху каком! – резанула та.

– Вообще, я собиралась поблагодарить вас...

– Так говоришь, или... – перебила Рыжуха.

Роза покраснела.

– Говорит-говорит. Успокойся, – вступилась Климактеричка.

Рыжуху ответ не устроил. Глаза по-прежнему блестели густой смолью. Роза взяла прядь волос, понюхала кончик и сказала:

– Спасибо, вы волшебница. У меня слов нет для признательности. Вы, спасли меня от простуды, может больше...

– Да чё там! Прямо спасла... дрыхни дальше, – Рыжуха наклонилась и шепнула: – а ты красивая.

- Спасибо, – так же тихо ответила Роза.
- Повеселевшая Рыжуха поправила на ней одеяло.
- Аркан мечешь?! – оскалилась Толстуха.
- Отвянь, – парировала Рыжуха.
- Вой-бой... Берлинская стена. Ей спасибо – она дойки на передовую! Недаром они по пуду – работать не буду!
- Нарываешься, зараза! – сверкнула глазищами Рыжуха.
- К удивлению Розы, Поганка примолкла.

Роза лежала, ощущая напряжение. «Поистине, в каждом положении свои за и против: в горшке съедало одиночество, тут добьёт общество», – ворчали бессмертные мысли. Чтобы унять нарастающее недовольство, вспомнила глаза Рыжухи в момент благодарности, то, как в них появился влажный глянец. «Неужели ей никто не говорил добрых слов? Что удивительного, если взять во внимание отношения между сокамерницами». Размышления оборвались возникшей суматохой.

Женщины сутились возле стола, кроме Толстухи, сопевшей над раковиной, заканчивавшей стирку.

«Наверно, обед. Так не хочется постель покидать». Роза неохотно спрыгнула вниз, пригладила распушенные волосы, жалея, что нет ленточки.

– Платок в загишке. И падай, твоя седушка, – распорядилась Толстуха, потянув за рукав.

Роза нашла в кармане платья белый ситцевый платок.

– Почему должна сидеть, где велишь? – возмутилась она, желая сесть на край лавки.

– По кочану? Падай и всё... И вообще... чей-то... всем вы, мне так... ты?

Роза вознамерилась ответить, но открылась дверь, пришлось смириться, оказавшись между Климактеричкой и Чайником.

...Вошла, точно вкатилась женщина в арестантской одежде, поражая скользкой походкой. Роза приподнялась убедиться, нет ли у той чего на ногах. Заключённая стукнула по столу кастрюлей, стараясь вежливо улыбаться, но лицо напоминало трагичную маску. «Ну и уро-диха», – возникла у Розы оценка сама по себе.

– Ой, подсадочка! Шустро кималья ковырялку получила. Фартит вам! – загнусавила вошедшая.

Роза невольно взглянула на проваленный нос незнакомки.

– Не в жилу, да? – спросила та, уловив на себе взгляд.

Роза промолчала.

– Афедрончик жидковат, а буферочки в теме! – выпалила хамка, уставившись на Розину грудь.

Находись Роза с краю, та задрала бы кофту, а так, изловчившись, хлопнула ладошкой по верхней части ягодицы. Затем бесцеремонно ухватила за груди, больно сжимая. Роза оценила настойчивость Поганки, то бы, не думая о последствиях, вцепилась в оскорбительницу.

– Ой-ё-ё... – усмехалась хамка, не разжимая хватки.

Чувствуя сдержанное негодование Розы, отошла, продолжая провоцировать, наклоняясь то слева, то справа. В какой-то момент подпрыгнула, поймав цепко за подбородок, повернула лицо Розы к себе.

Роза сжала зубы.

– Хорош хохмить, – слышался голос Золотки.

Роза, не моргая, смотрела в глаза нахалки. Та, многозначительно цокнув языком, откатилась. Роза поправила на голове платок, ожидая реакции соседок, хотя бы Поганки. Но довлекло возбуждающее безмолвие...

На стол водрузили горячий чайник. Роза поняла: «сервировка» закончена.

– Забей, коблыха, и шнуруй боты, не про тебя паночка! – не без удовольствия услышала она долгожданный голос Поганки.

– Заглохни, то мигом стукану о помывочке в камере, – огрызнулась та.

Брошенный Золоткой короткий взгляд, сиреневым магическим блеском заставил особу покинуть помещение.

Не успели женщины взять ложки, вновь отворилась дверь.

– Это... кого нечистая принесла? Никак стерва успела звякнуть, – вырвалось у Климактерички опасение.

– К стене!!! – оглушил окрик.

Появились три надзирательницы Чугунная Баба и та, что привела Розу, за ними молоденькая лейтенант с начищенными звёздочками на погонах.

– Ой! Кума некрещёная! – взвизгнула Поганка.

– Разговоры!!! – рявкнула та, что привела Розу.

– Начинайте, – вяло приказала лейтенант, заметив жующую Рыжуху, брезгливо поморщилась.

Зоркий взгляд Поганки ничего не упустил. Светло-голубые глаза потемнели, неотступно следя за ногами лейтенанта. «Ноги ей зачем?» – удивилась Роза.

– Пресвятая Богородица, опять шмон. На днях рыскали, – бубнила Климактеричка.

– Цыц! – оборвала Чугунная Баба.

Та, что привела Розу, приглядываясь сквозь толстые линзы очков, взялась переворачивать постели. Вскоре порядок камеры поглотился усердием смотрительниц.

Роза взирала на голые сетки кроватей, разбросанные вещи, полагая, пребывание в одиночке спокойней. Из задумчивости вывела Чайник, давая знать толчком в бок, что на неё смотрят.

– Блатная, или как? – обожгли слова лейтенанта.

– Кто поймёт? Сама знаешь, измелывала нынче братва, – процедила Чугунная Баба.

– Не скажи, – умничала та, что привела Розу, – вот, например, экземпляр, – она остановила взгляд на Поганке, а покосившись на Розу, добавила: – Эта... так... вообще, туши свет...

– Точно, припоминаю... фруктик тот! Извините, у вас цветочки! – иронизировала лейтенант.

– Теперь кто-то взвоет! – скривилась в усмешке Чугунная Баба, оглядев с ног до головы Поганку.

Толстуха не могла пропустить мимо ушей откровение о новенькой, и незаметно для себя отодвинулась от Розы. Лейтенант громко рассмеялась. Поганка, не сразу сообразила что произошло, закрутила головой, выпучив глаза.

– Правильно, кому-кому, тебе больше всех нюх держать по ветру надо, – поддела Поганку смотрительница, что привела Розу, – первую замочит за гадливость. Так что спи с открытыми зенками и мочись сквозь труселя. Вон глазищи со страху вишней созрели.

Толстуха побледнела...

– Ууу... струхнула, гагара. Факт, струхнула, – перекроила лейтенант разговор, – смотрите, сущая гагара! Впрочем, что ждать от блондинки.

Последняя фраза извела терпение Поганки. Она сжалась, превратившись почти в подростка, подобно тугой пружине, выпрямилась и, заворотив присутствующих движением, закатилась под кровать.

Лейтенанту в какой-то момент показалось, к её сапогу прикоснулись. Она не поняла, как это возможно, но отошла к двери, делая вид, что равнодушно взирает на пятки Толстухи разрисованные трещинами, торчавшие из-под кровати.

Секунду – другую атмосферой владело замешательство. Поганка сопела, но вылезать не намеревалась. Первой опомнилась та, что привела Розу: со звуком присасывания слюны, нацелилась к выходу. Другие – последовали за ней.

Женщины отправились к столу. Роза испугалась, что с Толстухой могло произойти несчастье. Она бросилась на выручку и отпрянула от внезапного выкрика.

– Ха! – выдала та, выкрутив акробатический трюк, вскочила на ноги, усевшись за стол, громко чем-то звякнула.

– Только гляньте! – взвизгнула Рыжуха. – Ну, спец! Так спец.

– Спорим, слямзю что хошь? – заявила Поганка, поворачиваясь к изумлённой Розе.

– Понесло – по кочкам и колдобинам, – пробасила Чайник, отодвигая руку Толстухи на край стола.

– Не катай мандарины, хавай мюсики! – с безграничным самохвальством Толстуха вскрыла блестящую круглую баночку, предлагая Розе.

– Причём мандарины? – спросила Роза.

От сарказма Толстухи, спасла Рыжуха. Та поинтересовалась, куда удачливая воровка денет банку, если заново нагрянет проверка. На что та многозначительно закатила глаза, напустив на себя царственный вид, отчеканила:

– Сдачей сдам! Шас лопайте, без базару...

– Спасибо, уважила. Сдаётся мне, голуба, тут дело не в конфетах. Вам, мадам, не по вкусу новое погоняло. Как, девочки, возьмём на вооружение? – рассмеялась Золотка.

– Кажется, крестись! – в глазах Поганки мелькнул неподдельный испуг. – Сами вы гагары общипаные...

Тут она смекнула, кого собралась оспорить и расправила нахмуренные брови.

– Вот и хорошо, есть давайте. Остыло всё. На то, что любительница десерта вернётся, не рассчитывай. Вряд ли, захочет доставить вам, мамзель, местного разлива, удовольствие, – пояснила Золотка и скрестила на груди руки.

Женщины вторили, шепча что-то. Закончив на Розин взгляд странный обряд, Золотка велела Рыжухе, что бы к ужину новенькая не сидела с запечатанным ртом. Кремовая Роза обнажила в улыбке ряд жемчужных зубов.

За обедом Роза размышляла о событиях за коротких два часа. Показалось, что миновало полдня. Чувствовалась усталость, обильная порция, съеденная за компанию, побуждала вернуться на кровать. Ещё Роза пробовала отвлечься от трофея Поганки.

Пока обедали, баночка находилась за пределом внимания, теперь лезла в глаза. Подкатывала слюна, заполняя рот. Борясь с соблазном, Роза опасалась, что остальные догадываются, как сильно приманивают лимонные леденцы.

Баночка сиротливо ждала смелой руки.

Женщины почему-то медлили...

– Гребь цапки! – наконец обратилась к ней Толстуха.

– Чё, клинья точишь? – припомнила обиду Рыжуха.

– Не слушай, бери. От души даёт, хоть и вредная, – сказала Чайник и первая взяла несколько штук.

– Как же, от души! Она у неё есть? – надула щёки Рыжуха.

Роза замешкалась...

Климактеричка ввернула, что у змеюк подобного не водится. Поганка приготовилась к прыжку. Роза решила поблагодарить за угощение, а конфет не брать. Неожиданно для себя разразилась недовольством:

– Женщины, вы бы с переводом говорили, что ли... Я не понимаю вас. Мне хочется подружиться. Вот сейчас Чай... – Роза осеклась на полуслове.

Не решилась назвать Чёрную Розу Чайником. Закрыв лицо платком, выскочила из-за стола, залезла на кровать и уткнулась в подушку. Все промолчали, кроме Поганки.

– Нуу... – затянула она.

– Загну! – рубанула Золотка. – Покуражились и хватит! Признаться, сама не замечала, как выражаемся. Привыкла к тюремному пустословию.

– Забей! Тут финт не катит! Базарить по-цивиле? Ни в жизнь! Озверели! Она – пуп Земли? Закрутились как на хре... – Толстуха прикусила язык и поморщилась, поймав взгляд Золотки.

– Договаривай, – предложила она.

Поганка сунула в рот горсть конфет.

Надо было видеть, как раздулись у бедняги щёки, а челюсти с трудом проворачивались. Жевать остатками зубов не удавалось. Толстуха била в челюсть сухеньким кулачком, как бы размалывая неосмотрительно взятые сладости.

– Значит, следим за языком. Ты, смотри у меня... паяц доморощенных подмостков, – Золотка остановила взгляд на усердно жующей сокамернице.

Толстуха, корчась под пронзающим прицелом, проглотила леденцы одним движением, да так, что худое горло выказало их прохождение. От резкой боли несчастная ухватила двумя руками за шею и с намернувшимися слезами бросилась к раковине.

– Кайфуйте... – прохрипела она, уже заваливаясь на кровать.

Роза покосилась на Толстуху, сочувствуя, ведь самой не по себе даже от мимолётного взгляда Золотки. «Только не страх, иначе – горе. Наверно, всему виной редкий цвет глаз. Нет... откуда мне знать, что он редкий? Может она зло? Какое зло», – откинула Роза опасение. Ей вновь хотелось оставаться безучастной. Золотка, словно поняла, о чём Роза думает, поднялась, взяла баночку и направилась к ней.

– Поможем труженице одолеть радость, то умрёт от несварения.

Шутка послужила допуском: баночка вмиг показала дно, Толстуха сияла, глядя на женщин. Убрав со стола посуду, Розу отправили спать. Сами расположились на полу, скрестив ноги. «Придётся мириться с чудаковатыми порядками. Наверно, много я забыла», – рассудила Роза.

Спать расхотелось...

Она лежала, изучая потолок, жалея, нельзя подойти к окну. Боялась заскрипеть пружинами и помешать сокамерницам, решив, те сосредоточенно размышляют.

И надеялась в дальнейшем проникнуть в их тайны, а пока развлекалась собственными мыслями: «Занятная штука жизнь... Взять меня... недавно хотела бежать, сейчас всё устраивает. Оказывается, тут есть интересное: чем, они занимаются?»

Наблюдая за женщинами, вспомнила момент сушки волос, в довесок привязался вопрос о горячей воде при купании. Странности вызывали тревогу, навязывая мысли об опасности. Роза потёрла грудь, как всегда это делала, прогоняя неприятные ощущения. И решила, если жива... с её-то прошлым... то чего бояться.

Признав – благо за счастье, уснула под ровное женское дыхание. Будут ли они подружками, не знала, но хотелось в это верить. Значит, есть смысл ждать будущего, и вообще... она сыта, нежится в сухой тёплой постели, что ещё надо.

Глава 12

Роза втянулась в распорядок коллективной жизни, испытывая по-прежнему одиночество. Прожитый период делился на утомительную дневную скуку и ночную пустоту. Она придерживалась старой стратегии, оценив прелесть одиночной камеры, где создавалась благодатная иллюзия неподвижности. Розарий, невзирая на замкнутое помещение, возбуждал нескончаемым движением.

Со слов Золотки Роза осознала, движение присуще всему, только кто-то живёт в ритме с ним, другим суждено вечно – догонять, есть баловни судьбы, им дано опережать его во времени. Для неудачников нет ничего хуже движения, оно давит непостоянством.

Золотка говорила, что у движения много свойств, одно из них – оно не умеет ждать. «Куда им спешить?» – усмехалась Роза. Чем больше наблюдала за женщинами, тем сильнее хотелось узнать, чем они занимаются. Загруженность сокамерниц и её праздность образовывали грань. Грань подчёркивала выпадение из общей колеи, плюс – осечка с памятью. Однообразные будни превращались в обузу. Роза надеялась застопорить бессодержательность. И натолкнулась на следующее открытие: попутчиком движения становится тот, кем управляет цель.

Ею же пока руководила некая сила, скрадывающая бессонные ночи, позволяя тоске добивать сердце. Сила дарила минуты полной защищённости. Роза представляла, как идёт по коридору к последнему рубежу Замка Цветов. Момент грёз улетучивался, и, наваливалась безысходность.

Роза искала занятие, дежурила за всех по камере, подолгу всматривалась у окна в небо, считая проплывающие облака. Ощущение пространства пугало и тешило взгляд. Она разглядывала стену напротив, заросшую диким виноградом, представляя за листвой окно. А языки изумрудного зла беспощадно зализали его. Она сочувствовала тем, кто томился за мнимым стеклом с решёткой, и радовалась, островку скрытого мира.

Когда лил дождь, ветер срывал листву, унося в неведомую даль, хотелось, чтобы прозрачная стена обнажилась. Но насыщенная влагой зелень слипалась, темнела, точно злилась, и упрямо оставалась на месте. Роза прикрывала глаза и прислушивалась... создавалось впечатление, что мир заснул под убаюкивание капель. Сознание, вроде покидало женскую сущность, уносясь в заоблачную высоту. Когда возвращалось, приносило запах размокших трав, земли и чего-то болезненного, проникающего в середину сердца.

...В одну из пятниц подошло дежурство на тюремной кухне. Роза надеялась выберут её. Отправили Поганку. Та сразу напустила сосредоточенный вид, удивляя желанием работать. Отсутствие сокамерницы позволило прочувствовать, насколько дух Поганки засел в сознании. Толстуха находилась далеко, а писклявый голос, словно пронизывал стены и резал слух. Роза потирала уши, желая прогнать наваждение, казалось, другие чувствуют то же самое: женщины чаще обычного поглядывали на дверь, прислушиваясь к шуму в коридоре.

Виновница волнения вернулась после ужина и улеглась спать. Сокамерницы ходили на цыпочках, оберегая сон «труженицы». По суждению Розы, не нашлось бы в мире силы разбудить худенькую женщину, издававшую гул батальона храпунов. Воздух камеры содрогался от нечленораздельных звучаний и злил. Розе хотелось схватить подушку, придушить храпушу.

Смушало то, как сверлящий зрачок подолгу что-то высматривал через волчок – круглое отверстие в двери.

- Роза не выдержала и поинтересовалась у Климактерички:
- Что происходит?
 - Отстань.
 - Подумаешь! – огрызнулась Роза.

...Разбудил приглушенный смех. За окном светало. Приподнявшись, Роза протёрла глаза, осознавая, сигнал подъёма не прозвучал. Что женщины не спали, не удивляло. Они нередко медитировали по ночам, так называли молчаливое просиживание. Сейчас – перешептывались, толпясь у стола. Любопытство проснулось быстрее рассудка. Приглядевшись, Роза увидела, как Чайник сматывает с живота Поганки тонкий чулок. Рыжуха быстро подставила миску, куда посыпались белые хрусталики.

- Зырте, зырте, – шептала она.
- Тише, половину тюрьмы перебудешь, тронутая, – прицыкнула Климактеричка.
- Отвянь, – отмахнулась та.
- Муштруйся, пока спец в деле! – восхитилась собой Толстуха.
- Вот и все дома, – отреагировала Золотка, погладив Толстуху по худенькому хребту. Та выгнулась кошкой и почти замурлыкала.

Роза не отрывала взгляда от миски с сахаром. Кристаллики нестерпимо приманивали. Выглядели необычно крупными и особо убелёнными. Хотелось, как в детстве обмакнуть в них палец, предвкушая сладкий вкус... облизать. «Проклятое искушение! Так и подмывает», – злилась Роза, желая выругаться вслух.

Но подалась к раковине, пополоскала рот, брызнув на лицо воды, посмотрела в окно. Розово-фиолетовая полоска неба не понравилась. «Ветер будет. Да и сигнал на подъём вот-вот заявит об очередном мучении. Если бы кто знал, как он опостылел!» Грубый перезвон попал в такт мыслям. Роза решила заправить кровать и услышала скрежет, точно женщины вскрыли каменную плиту пола.

Канитель стихла вовремя.

На пороге возникла заспанная смотрительница. Роза перевела взгляд на соседок. Те потягивались, словно только скинули с себя одеяла.

«Лгуны. Какие... лгуны» – ворчали Розины мысли, приветствуя смутное настроение. Смотрительница бегло осмотрела камеру, подозрительно прищурилась на Поганку и захлопнула дверь. Толстуха скрутила кукиш, окрестив спину надзирательницы.

День потянулся в утомительном режиме: одолевали раздражение и мучительное предчувствие. Роза не собиралась искать причину, пытаясь не испортить настроение другим, догадываясь, её хмурый вид давно заметили. Но, ничего не происходило, помалкивала и Толстуха. В какой-то момент Роза засомневалась – случилось ли что утром...

К вечеру изнеможение валило с ног. Добравшись до постели, моментально отключилась: сенсоры почти ухватили светлое, чистое сновидение.

Благодать сна нарушило холодное прикосновение к мочке.

- Э, шестая, что до шконки и коньки на дрыхало, – пробивался через сон сарказм.

Роза лениво посмотрела сквозь ресницы, чувствуя, меньше всего нужны проблемы. Толстуха, сунула влажные руки под одеяло, вцепившись в живот.

- Это слишком! – сорвалась Роза и оттолкнула нахалку.

Поганка не удержалась, завалившись на пустую кровать, недовольно пробурчала:

– Тормошите дербалызнутую сами.

«Придётся встать, достанут». Тяжело вздыхая, Роза поплелась к столу, грустя о былом, когда спала сутками, никто не вытаскивал из пригретого покоя. «Мало им дня, ночи прихватывают», – соглашалось сознание с бунтующими чувствами.

– Соня, не проморгай рай, – шепнула Чайник.

Роза удивленно вскинула ресницы.

– Разве Новый Год, или другая нужда – по ночам не спать? – спросила она, потягиваясь. По усмешке Поганки поняла, лучше бы продолжала слушать негодующие мысли.

Видя подтянутых женщин, испытала неловкость и пригладила волосы.

– Скажите, что надо... или разыграть собрались? Вперёд... Я – спать.

– Милая, не сердчай, присядь, – заговорила Золотка, – жаль за окном начало августа. Хотя... в твоём случае, возможно, настал момент надлежащего рождения: возрождение истинной тебя. Скажи, кто из людей в курсе своего будущего? Никто. Что если сегодня открыт потенциальный сезон перемен. Могу догадываться, что пережила в одиночке и как сложно привыкаешь к нам. Но не будем о былом... нацелимся в грядущее. Согласна, позади капля страдания. Никто не ведаёт сколько впереди, будет ли следовать по пятам дальше... Наверно да! Пока не отважишься поиграть с судьбой.

Роза пыталась уловить смысл слов, но привязалась суeta рук. Взгляд бестолково заметался по камере. Мысли путались в вопросах: «День рождения... мой день рождения? – стучало в висках: – Откуда они знают?» Спросить о чём-нибудь не решалась. Ошеломляющий факт распирает. Пальцы непроизвольно ухватили край ткани. «Что это?».

Наконец удалось сосредоточить внимание: «Простыня! О! Еда». Роза уловила незнакомый запах, это был не дымок от свечи. «Вот почему в камере угрюмей обычного», – поняла она и заметила, надоевшая лампочка чернела мёртвым пятном. В глаза бросился утренний сахар. Рядом лежало несколько кусочков белого хлеба, в миске что-то виднелось на дне, источая лакомый дух. Не выдержав, поднесла посудину к носу. «Тушёнка! Откуда?» Хотелось спросить, но внимание переметнулось на кружку, заполненную наполовину. «Вино? Точно, пахнет им!» Роза надумала немедленно пригубить, ну... хотя бы смочить кончик языка, и не решилась. «Вечно чего-то боюсь. Кстати! Я вспомнила вкус тушёного мяса и вина. Это хорошо». Отбросив опасения, отпила, как бы убеждаясь в воспоминаниях.

– Ура! Размочено! – подхватила порыв Толстуха и потянулась за своей кружкой.

Золотка перехватила худую руку.

– Ладно Роза, но ты... вначале объясни, откуда вино, по какому поводу гульнуть намериваешься.

– Не вопрос! – обрадовалась Поганка.

Не сводя взгляда с кружки, пояснила, что вино передала врач в честь именин. Роза начинала верить в настоящий день рождения.

– Коль обговорили, так к делу, – пробасила Чайник.

Предложение осталось без внимания: женщины притихли, как бы погрузившись в воспоминания. Климактеричка унеслась мыслями в вedomое ей пространство. Рыжуха загадочно созерцала потолок. «Наверно, вспоминает свою «дноху», как выразилась бы Толстуха, а я... всё забыла». Вдохнула Роза чувствуя, женская тоска перекинулась на неё. Одну Толстуху терзало нетерпение, живущее во взгляде, прикованном к кружке.

Ложное хладнокровие Золотки Роза научилась распознавать. Была уверена, мозг удивительной женщины не знал отдыха. Порой чудилось, она только и делает, что за всеми под-

смаatrивает и подслушивает. Невольно приходилось контролировать мысли, желая вывести, что на уме у самой Золотки.

– Заскучали, девочки, забыли зачем собрались. Пора нам...

– Выпить! – дополнила Поганка Золотку.

– Можно и это...

Женщины встрепенулись... ожили... Свеча и та загорелась ярче. Золотка продолжала:
– Розочка, мы приготовили подарок. Возможно, он смутит тебя. Но надеемся, примешь. Извини, что долго присматривались. Как говорится: «Лучше поздно, чем никогда!» Приглашаем, дорогая, в наш клуб, скажем так. Да пребудет с тобой Беян, * а путь Бабизма* наградит озарением! Мы обучим тебя мастерству, которым владеем сами. Кто знает, вдруг твои возможности окажутся выше наших. Недаром истина гласит, что ищущая душа – загадка для наставника. Пусть отношения между нами в бренном мире теней измеряются параметрами начинающих учеников. Мы от всей души рвёмся к свету. Торопиться необходимо: ибо мы транзитники во всех мирах... везде следует остерегаться искушения. При других обстоятельствах можно подумать. В нашем положении решение определяет миг. И вообще, жить надо радикально!

Розочка, знай, мы не случайно встречаемся на перевалочной базе под названием Земля. Предлагаю больше приносить пользы, не омрачать будущего обидами. Разучились люди помогать друг другу. Разучились...

Сделаем так, чтобы наш опыт содержал духовный навык. Им облегчим вечные поиски своего «Я» в скитаниях по мирам. Роза, ты очутилась перед неизбежным выбором.

Пусть он свершится сейчас, пока мы рядом. Тебе необходимо довериться, начать жизнь с чистого листа. Любое действие приводит к результату, требующему нового решения. Всегда можно исправить ошибку. Главное, не тонуть в прошлом. Господь знает, что делает: сегодня отнял – завтра обязательно наградит! Задача человека из мига создать будущее, зачастую так и получается. Умение извлечь выгоду из всего – особый дар. Им надо пользоваться. Не следует огорчаться, если прошлое превратилось в испытание. Виной всему неопытность человеческого разума.

Отпустив сожаления и воспоминания, легко смотреть в будущее. Согласна, перемена стучится болью. Приняв её, не придётся жить по поговорке: «Битие определяет сознание». Понимаешь, Розочка, прошлое всегда призрачно, будущее прозрачно. Надо пользоваться моментом, только он реален. Отсюда не искать объяснение. Оно приходит само, когда наш раскусудок готов к восприятию. Следует усвоить: Свету невыгодно хранить тайны, он наш союзник. Господу незачем разорять время играми в прятки, при людском-то скудоумии.

Доверять своим ощущениям не вредно! Извини, за длинную, непонятную речь. Придётся тебе пойти вслепую. Наш навык будет твоим, как уже говорила. Будь ненасытна к знанию и разумна в желаниях. Об этом хорошо сказала Климактеричка, – Золотка попросила ту продолжать разговор.

Роза хлопала ресницами, не ухватив из сказанного сути, будто Золотка намеренно говорила быстро и непонятно. Она надеялась, Климактеричка пояснит происходящее. Голос Красной Розы зазвучал мелодично и напевно:

– Желание – к делу ключик.

Упорство – двигатель желаний.

Вера – сила к торжеству.

С ней нигде не пропадёшь,

в сетях потерь не заплутаешь,

от искушения и страха убежишь.

Но будь осторожен человек,

не забывай, как хрупок мир,

Люби его, родного, как себя,
И будет он тебе опорой.
Высказав мысль, Климактеричка промокнула полотенцем вспотевшее лицо.

Женщины задумались...

Роза наблюдала, как в пигменте сиреневых глаз играла отблеском свеча: сверкала, точно вобрала женское настроение. Капельки воска заспешили на дно металлической крышки, образовывая причудливые шупальца. Взгляд Розы заскользил по комнате. Женские фигуры отражались на стенах дрожащими гигантскими тенями. Отблеск свечи придавал им таинственный вид. Воздух наполнился запахом сгоревшего воска, ровным дыханием и необъяснимым ожиданием. И верилось, что уставшая от болезни женщина написала философские строчки.

Розе вспомнилось переселение в Розарий. Пережитое в Замке Цветов воспринялось вечностью, потому что не помнила ничего другого. «Надо же! Видно плохо в людях разбираюсь. Они оказывается умницы. Золотка, так вообще слов нет», – рассуждала Роза, обхватив лицо ладонями, облокотилась на крышку стола.

– Розааа, – окликнула Золотка.

– А? – вздрогнула Роза

– Говорю, мы понимаем, ты ничего о нас не знаешь. Да, и любое откровение сторит в недоверии. Ты права, каждому из нас есть что придержать, так устроен человек...

– Тогда ничего не говорите, – ответила Роза.

– Права, Розочка, права... оно так вернее! Сердце слушать надо, детка, сердце.

Совет Климактерички вызвал ощущение дискомфорта.

Роза подумала: «Не слишком ли за меня взялись? Какое мастерство могут дать, что за клуб с диким названием? Придумали же! Ещё этот... ну... О! Беян! Учителя какого-то приплели. По-моему, их мозги хуже моих. День рождения сочинили! Впрочем что, не могу его иметь? Вот глупая, врача не расспросила. Ой... мои думки, как флюгер: недавно утверждала, они умницы. Теперь ерунду несу. Будто есть что терять. Жить не один год с ними. В конце концов, должна принять чью-нибудь сторону. Надо соглашаться. Война план покажет», – поставив будущее фишкой на кон, она сказала:

– Согласна, ход за вами.

– Это про чёс Шестая базарит? – с деловым видом влезла Поганка, подмигнув Рыжухе.

Та, не вняв намёку, виновато передёрнула плечами. Чайник поднесла каждой из подружек по кулаку. Рыжуха опустила голову, пальцы задёргали штанину. Поганка нырнула в короткое затишье.

– Губки-то скукожила, ну вылитая куриная гузка, – подшутила над Толстухой Чайник и добавила: – Ты, Роза, не тушуйся, сейчас твой час. На Поганку плюнь.

– Вот-вот, и свеча последняя, – подметила Климактеричка.

– А свет где? – осведомилась Роза.

Она испугалась, погаснет огарок и Розарий, как одиночка погрузится во тьму. Пережив в считанные секунды прежний кошмар, оценила присутствие освещения, хотя оно и утомляло по ночам. Поганка, почувствовав запах страха оживилась, разразившись вульгарным смехом.

– Слушай, тварь худосочная, надоела! – сорвалась Золотка. – Постоянно стремишься устроить балаган. Сколько времени терплю. Ты упорно гнёшь свою линию. Не верится мне, ты... и не в курсе, что гордецы, подобно глупцам, нищие не карманом, а духом. Видно, при-

спело покончить с «фигурой туз». Пошла вон, – Золотка наделила Толстуху укоризненным взглядом.

Та, словно обожжённая сиреновой молнией, выскочила из-за стола, но резко вернулась, осушив залпом свою кружку, метнулась на кровать.

– Цё! – догнало короткое возражение Золотки.

Поганка, провернулась на пятках и направилась во мрак угла, уткнувшись лбом в стену, подала голос:

– Я не нищая. Между прочим, цельная миллионерша, может уже миллиардерша...

– Батюшки! До ста считать не умеешь, а такое познание в математике.

– Ничего, старая, придёт время, всем покажу, кто я!

Роза слушала, теряясь в догадках, о чём женщины спорят и что происходит?

– Девочки, зачем не спим? Точно, не ради миллионерши. Она малость глаза помозолит, зато поумнеет. Чудачка, в бесштанном возрасте не достояла. Вернёмся к планам, – попыталась разрядить обстановку Климактеричка.

Наблюдая за Толстухой, переминающейся с ноги на ногу, сопящей и ударяющейся легонько лбом о стену, Роза неожиданно поймала образ: она ребёнок, рядом соседский мальчик. Наказан и выглядит несчастным из-за её жалобы. Как наяву промелькнули детские глаза, полные слёз. Комок горечи подкатил к ярёмной ямочке. «Вечно делаю всё не так. Неужели моя жизнь построена на идиотизме, меня, что... преследуют недоразумения?» Сожаление натолкнуло на мысль об одиночной камере, где давили стены, тут – пять пар глаз, ждут чего-то, толкая к новым страданиям.

– Можно пойду спать? – прошептала Роза.

– Ууу....

– Стоп, – остановила Золотка общее недовольство, – конечно, ты вправе уйти. Мы не принуждаем, хотя старались сделать приятное, даже она, – Золотка указала кивком на Толстуху.

От смущения Роза поморщила нос.

– Как спать? – осведомилась Климактеричка. – Это ты из-за стервозы? Наа-прасно... Оглянись. Она тащится, что стену подпирает: повод есть нам досадить. Ты – спать...

– У неё мозги сплошная пена, – дополнила Чайник.

Толстуха чертыхнулась.

– Видишь? – не упустила момента Чайник.

– Есть хочу, – подала голос и Рыжуха.

Из угла послышался скрип зубов.

– Что решила? – спросила Золотка.

– Ваша взяла, – махнула рукой Роза.

– Хвала тебе, Господи! – сказали в голос женщины.

– Бери посудину, – подтолкнула Климактеричка в бок Рыжуху, – или как?

– Никак. Нечего намёки кидать. Мы давно разлюбились, хотя Поганку жаль. Жрать тоже хочет, – прогундосила Рыжуха.

– Ой, ли! – усмехнулась Золотка. – Торчать будет, пока не выйдет, как встала, – последние слова прозвучали для Поганки хуже судебного приговора.

А из темноты донеслось:

– Не дождётесь!

– Что и требовалось доказать, – вздохнула печально Золотка и подняла кружку.

Она поздравила Розу. Остальные тоже выдали пожелания из области фантастики. Изумил тост-предсказание Климактерички, о том, что Роза первая из них будет вдыхать воздух свободы.

Терпкое вино защекотало в горле, через миг уже жгло около пупка.

– Добротное винишко... пошло-то как...

– Климактеричка, ты почём знаешь? – справилась Рыжуха, будто брызнула недовольством.

– Э, детка... ты под стол хаживала. Я ж его уже пивала! – рассмеялась Красная Роза.

– Куда нам! Ты у нас торговых дел мастак, – выплеснулась Рыжуха.

– Прошу не путать с простой продавщиной...

– Ну да. Ты зам – гам – хозторгбазы, поэтому страна – в галоше, а ты на параше!

– Цыц, заместитель, – попыталась усмирить Рыжуху Чайник.

– И ты с чёрной мордой в попрёк! – взвизгнула опьяневшая Рыжуха. – Ишь, грамотеи да писаки выискались! Бабы! Бабы вы колхозные, лопочите хабалками! Изверги сущие... изверги... ненавижу вас!

– Спасибо, подруга, за правду-матку. Я не отпираюсь, в деревне народилась, хотела бы там вздохнуть. Что пёрла с базы, так глупая. Но горбатила честно, – согласилась Климактеричка.

– Горбатила она! У одних выдирала, другим совала, чтобы в люди выбиться. Вот сюды с почётом и доставили, народную избранницу.

Климактеричку обдало жаром. Она выскочила из-за стола, прихватив полотенце.

– Итак, раздача кармических долгов исчерпана, пора за чаёк, – заметила Золотка и распорядилась Чайнику заняться делом.

Та быстро перевернула свою миску и водрузила знакомый чайник...

– Поехали, девочки, хотя нас маловато... думаю справимся, – предположила Золотка.

– Угу, – прогудела за всех Рыжуха, сменив неожиданно настроение, первая приблизила руки к вспотевшему от холодной воды чайнику.

Вернулась Климактеричка и сделала то же самое. Ёжась от прикосновения к металлу, Роза последовала за ними. Золотка задула свечу. Пространством завладел нелюбимый мрак. В тёмную гущу ворвался гармоничный хор женских голосов. Наплывающий издалека, он стремительно нарастал. Звуки заполняли пространство, возвращаясь внутрь женской плоти.

Таинственный мотив набрал силу и вырвался из неё, вливаясь в общую мелодию, закрутился, несясь беспрепятственно вверх. Благодатный напев завладел духом, превращая тело и сознание в одну из звучащих нот. Незнакомые вибрации пробили с ног до головы. То обдавали жаром, то охладили свежестью бриза, то завораживали невесомостью. Блаженство, неописуемое блаженство поглотило уставшую плоть. Сколько находилась Роза на вершине благодати, её не интересовало: хотелось остаться там навечно.

...Наслаждение прервалось болью в руках. Нестерпимо жгло ладони. Женские голоса по-прежнему играли чудесными переливами, хотя уже отстранённо. Перед взором открылась сказочная картина, изумление подавило боль. Эмоции смешались, пугая и удивляя. Роза припомнила, когда закрывала глаза, в камере царствовала темнота, сейчас же – освещалась розовато-оранжевым свечением. «Что это?» Возник естественный вопрос, и появилось вновь ощущение жжения. Она перевела взгляд на руки и едва не закричала. Одна половина мозга осознавала, что видят глаза, другую – забивало отрицание. Роза вновь чувствовала себя раздвоенной, и то, что жило посередине головы, скомандовало вытащить руки из огня, мерцающего вокруг чайника. Он посапывал, закипая под руками женщин.

Поражало, что у неё тоже светятся кисти. Тряся от беспокойства пальцами, заметила, пламя угасает с запястья... вскоре – исчезло вовсе. Роза перевела взгляд на женщин и обратно на чайник. Возвращаясь к своим рукам, сообразила – это не совсем огонь, скорей некое свечение. Она потрогала посудину. Обожглась. Сунула в рот палец, затем приложила ладони к щекам, дивясь прохладе. Запаниковать не дала мысль: вдруг, что видит – норма, по привычке подводит память.

Роза ждала, успокаиваясь тем, что женские лица озаряются улыбками, заметила – их руки не касались металла. Вновь потянулась к чайнику. Время шло, ничего не происходило. «Диво... так диво!» Не покидало удивление...

Пляска крышки на восходящих струйках пара воспринялась уютной домашней песенкой. На смену хаосу чувств нахлынули воспоминания из детства:

Она лет десяти и бабушка сидят на пороге между кухней и комнатой. Смотрят в открытую дверцу печи, где потрескивают горящие дрова. Отблески пламени играют в морщинах старушки, скрывая их глубину. Аромат древесной смолы кружит голову, на плите выстукивает чайник. Бабушка нежно гладит ей волосы, тихо напевая в такт стучащей крышке. Их распев сливается в единый мотив и убаюкивает: Роза из детства засыпает, уткнувшись в бабушкины колени.

Видение исчезло неожиданно, как и появилось. Роза подумала: «Зачем люди взрослеют». Навеванная грусть прогнала из памяти приятные ощущения, и клонило ко сну.

Женское пение плавно смолкало, точно прощалось с чайником и с ней. Вначале Роза заподозрила, что чудная картина мерещится, разве мыслимо наблюдать за голосами? Но отрицать диво не решалась. Она не отводила взгляда от формирующихся энергетических жил: извиваясь в многоцветной гамме спиралевидными движениями, втягивались женскими животами, пропадая постепенно в области солнечного сплетения. Последний луч ярко-золотой скрылся под платьем Золотки. Розе на мгновение показалось, что из камеры исчезла жизнь. Может и во всем мире её не стало. Только она, единственное живое существо в бездыханной вечности, наблюдает губительное световое явление.

Камера ожила звуком пороха. Над столом появилась маленькая вспышка света и зажглась свеча. Неокрепшее пламя осветило руку Золотки, вернее, указательный палец.

– Ой! – вырвалось у Розы, когда поняла, как зажглась свеча.

«Глупая я, отсюда удивляюсь, вскипятили они чайник, тут – свеча!» Роза поймала улыбку Золотки. «Больше никаких вопросов и удивлений», – решила она, стыдясь своего невежества.

– Алё... девочки, – прервался общий покой голосом Золотки.

Женщины прочли новую молитву. Роза старалась запомнить текст. Вскоре камеру наполнил аромат заварки.

Вино и неизгладимые впечатления вскружили голову. Телом завладел ленивый каприз: хотелось полностью расслабиться, думалось о немедленном сне.

– Ой, голова-головушка... уплывает на кровать... и не хочет понимать, что ни в коем разе нельзя бесхозным тело оставлять, – пропела Роза.

Женщины похлопали в ладоши.

– Класс! С запалом тебя, подружка, – оценила Климактеричка заслуги угарного распева и поцеловала в Розу лоб.

– Благодарю ангела. Он одержал победу за твою душу, – сказала Золотка, – я довольна тобой. Ты стойко и храбро вытерпела превратности судьбы.

Золотка говорила что-то ещё. Но Роза находилась далеко от наставлений. Испытывая антропоморфическое* состояние, обжигала губы, потягивая сладкий круто заваренный чай. «Эх, если бы так всегда», – вздыхала печально она, понимая, приятное закончится: женщины лягут спать, утро явит опостылевший режим дня.

– Исполнение желаемого принимать радостно: одно меньше – другое больше, но то, что ждёт впереди, всегда привлекательнее, – запали в сознание слова.

Розу не насторожило, что они прозвучали мужским голосом, решив, что пробасила Чайник. Роза взидала на происходящее сквозь сонную пелену, с трудом соображая: шатается она... или камера вместе с женщинами плывёт перед глазами. Забавное состояние вызывало смешные ощущения. Собравшись с силами отпила глоток остывшего чая. Но не получила облегчения, ибо пол исчезал из под ног, в ушах звучал тот же голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.